

АНАСТАСИЯ МОНАСТЫРСКАЯ

ДЕВЯТЬ ХВОСТОВ НЕБЕСНОГО ЛИСА (КУ-ЛИ)

Журнальный вариант

...За несколько дней до Рождества мир почувствовал, что бог вот-вот нажмет на «delete». Собственно, к богу никаких претензий. Старик и так долго терпел, балуя кредитом по выгодной процентной ставке. Но рано или поздно даже самое плохое кончается, что уж говорить о хорошем. Хорошее кончается еще быстрее.

Пора. Девять дней. Двести шестнадцать часов. Двенадцать тысяч девятьсот шестьдесят минут. Не густо. Но если перевести в секунды, то времени еще очень-очень много. Целая вечность...

...и фляжка с коньяком.

Глаза встретили небо, набухшее снегом и декабрьским дождем. Если ты есть, господи, сделай хоть что-нибудь! Дай знак! Порази в сердце! В мысли! В жопу! Еще лучше в печень, она давно заслужила, чтобы ты ее поразил!

Замер, прислушиваясь. Ну? Ну!

Еще, что ли, выпить? Для храбрости! Все равно помирать.

Несколько дней, и все закончится. Никого не будет. Никого и ничего. Еще один Апокалипсис. За ним – Армагеддон.

Модная тема. Конец света – величина постоянная.

Впервые за... долгое время захотелось позвонить ей. Достал мобильник, пробежался от А до Я. Пусто. Стер – еще тогда, когда...

Ну, что за чертова баба! Даже когда она нужна, ее нет.

Он встал, направился к дому. Под ногами хрустело — словно раздавленные новогодние игрушки.

...Нож вошел этак нежно, деликатно. Стало безвоздушно и невесомо. Стало мягко и тепло. Потом – никак.

Что ж, и такое случается. У каждого свой Апокалипсис. Господи?

ZERO

— Ты знаешь, а он умер, — новость мимоходом, невзначай. Между сообщением о новом платье и квартальной задолженности.

Мир рушится - в рапиде. Ломая ногти, с трудом выбираюсь из-под обломков.

— Когда?

— Неделю назад. Странно, что ты не знала. Я принесла ему розы.

В голове стучит метроном: «Умер, умер, умер».

Выключаю.

Итак, он все-таки умер, Олег. Сыграл в ящик. «Ты, Каська, большая дура. Нашла, чем пугать! Пока мы здесь, смерти нет, когда смерть здесь, нас уже нет». Любил заезженные цитаты...

Звонок по внутренней связи. Босс.

— Зайди-ка...

Вдруг скрутил приступ тошноты. Как в тот день, когда впервые почувствовала измену мужа.

«Я задержусь, родная, не скучай». Где-то там, в офисе Олег предавался любви с секретаршей. Когда они синхронно достигли оргазма, меня вырвало. На обеденный стол. Под хохот телевизора и далекий стон мужа.

Он вернулся в два часа ночи с убедительной версией. Но я сделала вид, что сплю. К девице, признаться, ничуть не ревновала. Проникнув в чужую суть, знала о ней все. Спустя шесть мучительных недель, сделает неудачный аборт. И у нее никогда не будет детей.

После секретарши были другие женщины. Со мной он был скучен, с ними – изобретателен. Возвращаясь, всегда врал. Не интересно, но почти всегда правдиво.

И вот он умер.

Почему, чувствуя его тогда, я не смогла почувствовать его сейчас?

...У босса в руках заявление, напоказ:

— Почему?

Боссу хватает такта не говорить про мой возраст. В сорок четыре не увольняются. В сорок четыре держатся за место всеми конечностями.

Почему я ухожу?

Потому, что надоело. Потому, что работать в женском коллективе – самоубийство. Потому, что невозможно работать с людьми, которых не уважаешь. Потому, что мое сердце покрыто девятью рубцами. И один из них сегодня лопнул.

Но самая главная причина – Марга.

— Ладно, иди...

Под его белой рубашкой бьется изношенное сердце. Вижу левое легкое — красное с черным. Черного намного больше. Странно, он же совсем не курит. Ведет здоровый образ жизни: бегают по утрам, пьет свежесжатый апельсиновый сок и ест спаржу.

Сказать? Еще все можно исправить.

Босс принимает решение за меня:

— Зайдешь туда, где тебя брали, и получишь то, что хочешь получить.

Перевожу: «Ступай в отдел кадров и забери свою трудовую книжку».

Может, все-таки предупредить его? Но кто слушает Кассандру под Новый год?!

Набираю ненавистный номер. Было время, мы считались подругами.

— Алла, это я... Соболезную.

— Не смейся, — Алла скользит по лезвию истерики.

— Как он умер?

— Это все, что тебя интересует? Ни одного вопроса о завещании! И где твои материнские чувства? Даже не спросила, что сейчас чувствует твоя дочь!

— Ты же знаешь, его деньги меня не интересуют. А моя дочь... Она давно уже твоя. Скажи, как он умер?

— Зарезали. Как свинью. В подворотне. Очень много крови. Он родился в год Кабана, вот его и...

— А как именно?

— Горло ему перерезали!

И вдруг в трубке — до боли знакомое дыхание, Лялькино, четкое и раздельное:

— НИКОГДА. НАМ. БОЛЬШЕ. НЕ. ЗВОНИ!

Иногда я думаю, что Лялька действительно не моя дочь.

ПЕРВЫЙ

Олег был моим первым мужчиной и первым же безумием. Одновременно – другом, мужем, врагом, любовником, проклятием. Олег — отец моей дочери. И муж лучшей подруги. И вот теперь он умер. Ровно месяц назад ему исполнилось сорок семь лет. Тогда мы с ним виделись в последний раз. Почему же я ничего не почувствовала? Неужели мой дар и он же – мое проклятие опять сыграл со мною злую шутку?

Мне было одиннадцать лет, когда я впервые встретила отмеченного.

Перед началом девичества живот крутило и разрывало. Плакала от боли и непонятого предчувствия. Мама повела в детскую больницу. Железный холод каталки, теплые мужские пальцы, коснувшиеся смущенного лона. На безымянном пальце — серебряный перстень. Прикоснулся витой печатью, и сразу стало спокойно и легко, боль отступила.

— С ней все в порядке? — мама старалась не смотреть, как мужские руки массируют мне живот.

— Да, — и чуть тише добавил: — Нет.

Но это «нет» услышала только я. В голове шумело: визг тормозов, удар и тяжелый шлепок умирающего тела. Я увидела, как он выходит из больницы, ступает на трамвайные пути, и ослепительно белая машина уносит его жизнь.

— Вы сегодня умрете...

— Счастливая, — проблеск узнавания в темных глазах. — Будущее тебе открыто. И настоящее. А я могу видеть только прошлое.

Мы чуть-чуть задержались: ждали, когда на справку для школы поставят нужную печать. А когда вышли на улицу, день сузился до черноты. На боку белой машины, стоявшей поперек трамвайных путей, чернел сгусток.

Я вырвалась и, спотыкаясь, побежала к тому, чьи руки первыми прикоснулись к моему телу. Опоздала.

Доктор лежал на спине, уставившись в черное небо. И в его глазах медленно остывало прошлое. Туда, куда мне не было дороги.

Кружила поземка. На каблуках я проехала по скользкому асфальту.

– Вот и ты, – Дима уверенно перехватил меня, притянул и бегло поцеловал. Губы ледяные.

– И что ты сегодня напрогочила? – усмехнулся он, когда мы оказались в машине.

– Измену и смерть.

– Как банально! – Дима взял короткий старт. Джип легко влился в автомобильный поток. – Предсказала бы мне что-нибудь для разнообразия. Не дрожи. На, согрейся! — протянул фляжку.

Глотнула. Неплохой коньяк.

От Димы пахло быстрым сексом. От фляжки – женским жадным ртом. Смутно знакомым.

Знала, что он изменяет, но чтоб перед встречей со мной и прямо в машине...

– И как она? — даже не пришлось играть равнодушие.

Джип дернулся влево. Обошлось – вовремя вывернул на исходную.

– Ты о чем?

– А ты не понял? Гуляй, пока молодой. Легкая любовь для души не обременительна, она только тело точит.

– Кто тебе сказал? Она?

Она знает о моем существовании, и данный факт барышню не устраивает. Риторика: «Зачем тебе эта старуха?».

– У меня мужа убили, – закурила. Без позволения. Маленькая месть Диме и его автомобилю. – Неделю назад.

– Ты разве замужем? И кто он?

– Крупный бизнесмен.

– Крупнее, чем я?

– Крупнее, чем ты. И еще он отец моей дочери.

– У тебя есть дочь?

– Если есть отец моей дочери, есть и дочь.

– Ты не говорила.

– А ты не спрашивал... – Прожечь, что ли, дорогую обивку сигаретой? Не буду. Все-таки мелко. Никто из нас не обещал друг

другу ничего такого, во что можно поверить.

– Не беспокойся. Дочь уже взрослая. И вообще – у нее давно другая мать.

До дома доехали молча.

– Зайду? – неловко спросил и тут же понял бессмысленность вопроса.

Кончики пальцев стыли. Я спрятала руки в длинных рукавах. Побрела на кухню. Чайник, телевизор. Щелкнула по пульту.

– У вас проблемы? – поинтересовался телевизор. – Вы на грани развода? Потеряли работу? Бойтесь за свое будущее? «Салон Кассандры» поможет решить все проблемы. Быстро, эффективно и конфиденциально. Звоните! Звоните прямо сейчас, и уже завтра вы проснетесь счастливым и успешным человеком!

Хоть хватай трубку и звони!

На экране - моя давняя фотография, стилизованная под ретро.

Марга сказала, что образ должен располагать и внушать доверие. Ретро всегда располагает. Люди склонны доверять прошлому. Настоящее не замечают, слишком оно быстротечно. А в будущее мало кто верит: ведь при желании его можно исправить.

Мне не нравилась эта фотография. Слишком многое с ней связано. Но когда за дело берется Марга, лучше не спорить. Все равно настоит на своем. Она счастливый человек – не знает сомнений. И свои решения полагает единственно верными. Даже если идти по трупам. «Это всего лишь трупы. Мертвая материя. Мертвую материю глупо бояться».

Чпок!

Закончился блок рекламы.

– Россия стоит на распутье, – забубнил телевизор. – И пока мы не примем верное решение... Мировой кризис пришел в наши дома... Сегодня мы спросим ведущего эксперта по экономическим вопросам Сергея Марычева, как, собственно, нам жить дальше. Сергей Леонидович, вам слово.

– Вам не надоело слово «кризис»? А мне надоело, – сказал Марычев. – Для начала давайте перестанем паниковать и уберем слово "кризис" из нашего лексикона! Нет его, и все тут! Предлагаю использовать его второе, китайское, значение: возможности. Попробуем? Заголовки газет: «Мировые финансовые возможности

могут попасть в книгу рекордов Гиннеса», «Доллар подпрыгнул от мировых финансовых возможностей. Рубль вообще от них в восторге», «У России пять вариантов выхода из мировых финансовых возможностей». Звучит?

Я его вспомнила. Впрочем, и не забывала. У Марычева необычное лицо – вылепленное наспех, грубо и неумело. Срезанный подбородок, выступающие скулы, жесткая линия рта. Брил голову, и прижатые к черепу уши смотрелись странно и пугающе. Но улыбка хороша.

Мы встречались на каком-то приеме. Олег пригласил меня в самый последний момент. В скромном костюме и почти без макияжа ощущала себя начинающим нудистом. Марычев чувствовал себя примерно так же: тоже скромный костюм, и макияж тоже отсутствовал. Он тогда только-только публично отрекся от прошлого, вступил в новую партию, открыл бизнес и теперь не знал, куда девать руки.

Чтобы занять руки, взял бокал с шампанским и коснулся хрустальной ножкой моего фужера.

– Прекрасный вечер, – неловко улыбнулся. – Вы здесь одна?

– Вроде бы с мужем. А вы?

– Вроде бы с женой, – сделал вид, что оценил шутку, хотя никто и не думал шутить.

– С ней? – указала я на чуть поплывшую блондинку в толчее.

– Да. Но как?..

– Люди, долго живущие вместе, становятся похожими друг на друга. Но дело не в этом. Просто я – пророчица.

– Настоящая?

– Настоящая. Кстати! Вернее, некстати... Контракт, на который вы рассчитываете, не состоится. Не переживайте. Через неделю заключите другой, более выгодный.

– Ого! А что еще меня ждет в будущем?

Без усилий приоткрыла шторку его души. Споткнулась на первой же развилке. Слова застряли в горле, словно кость мироздания.

– Станете вдовцом. И однажды наши судьбы пересекутся.

Не поверил. Мне никто поначалу не верит.

После того случая, с доктором во мне пробудилась пугающая

сила. Я видела любовь и расставания, смерть и болезни, взлеты и падения. Видела, но в большинстве случаев боялась говорить. Люди верят хорошим прогнозам и винят тебя в плохих.

– Говори красиво, непонятно и хорошо, – поучала Марга. – Человек хочет счастья и достатка, вот и обещай счастье и достаток. Ему приятно, а с тебя не убудет.

– Я не могу врать.

– Мне же врал. И Олегу, и Ляльке. Ни одно из твоих предсказаний не сбылось.

– Вы – другое. Тебе не понять.

– А ты объясни!

Как объяснить, если сама толком не понимаешь?

Да, я с легкостью предсказывала будущее, бегло читая по книгам судеб. Вот только тех, кто был связан со мной истинной любовью или кровными узами, уберечь не могла. Жаль, не сразу о том догадалась.

Ляльке сейчас — двадцать один. Полное и безоговорочное совершеннолетие. И такая же, полная и безоговорочная, ненависть к родной матери.

Не виню. Что она видела со мной? Горы бутылок, лужи блевотины, всклокоченные волосы, голая грудь в драном халате. Меня и женщиной-то назвать нельзя было. Олег цедил слова и старался меня не касаться.

Очень больно, когда два самых близких человека стараются тебя не касаться. Муж и дочь. Хотя Олега я всегда любила больше, чем Ляльку. Может, она это чувствовала?

Ко мне тогда много народу ходило. Как раз мода на гадания наступила. После нескольких сеансов — традиционный запойный срыв. Алкоголь помогал. Пьяная, я даже смеялась, когда говорила о смерти. Люди тоже улыбались, хоть и неуверенно: если пророчица смеется, значит, ничего плохого не случится. Но ведь случалось же!

Однажды в дверь позвонила женщина.

Есть необратимые дни, после которых жизнь резко меняет русло, а иногда и вовсе заканчивается.

Три месяца мы играли в дружную семью. Олег исправно приходил домой к ужину, пару раз даже принес цветы – белые

хризантемы, горькие и растрепанные. Лялька получила первую пятерку по русскому, а я дала себе слово не пить.

От трели звонка мы синхронно вздрогнули.

— Не открывай! – сказал Олег. – Нас нет дома!

Лялька затравленно посмотрела на меня.

На вилке застыл белесый пельмень.

Звонок завис на пронзительной ноте. Он бил в ухо, умоляя о помощи.

И я открыла эту чертову дверь.

Поток чужой боли едва не сбил с ног. Ухоженная, холеная, эта женщина излучала благополучие. Только уголки губ подергивались:

– Я вам хорошо заплачу! Только погадайте. Это срочно!

Полоснула взглядом, оставив глубокий порез.

Почему я согласилась? Деньги на тот момент не играли никакой роли. Так, бумажки. Но вот против лоскутков чужой ауры устоять не смогла.

В коридор выглянула Лялька.

– Это ваша дочка? Большая уже. Вся в маму!

– Я – в папу! – Ляля замахнулась кулачком. – Уходите!

Олег вышел следом за дочерью, поднял ее на руки и унес. В его молчании я уловила предупреждение, и это разозлило. Все за меня решили!

– Вы можете? Мне больше не к кому идти.

– Давайте попробуем.

Мы протиснулись в аскетичный темный закуток – бывшую Лялькину детскую, а теперь мой персональный угол. Я кивнула на продавленное кресло. Присаживайтесь.

– Как вас зовут?

– Софья.

Имя удивительно ей шло.

– Я не знаю, что мне делать, – она жадно глотала слова. – Мужа своего уважаю, мы двадцать лет вместе. Всякое было, но уважение сохранить удалось. Мы давно уже больше, чем супруги – родные люди. Но ситуацию, в которой я оказалась, муж не поймет. Со мной такое в первый раз. Какая-то больная, ненасытная страсть. Он младше меня на двадцать лет. Я все время боюсь, что он найдет себе молоденькую девочку и будет с ней счастлив. А я? Что тогда будет со мной?

– Ничего хорошего. Останетесь с мужем – сохраните благополучие и видимость счастливой жизни. Ваш любовник все равно уйдет.

– Когда? К кому? Они вместе работают? Не надо меня жалеть – расскажите!

Она была обречена, но не понимала этого. Мелькнул образ рано состарившегося человека, любившего Софью без всяких условий и обязательств. Просто за то, что она есть. Сердце мужа билось теперь спокойно, намеренно замедляя ритм.

– Неужели вы не понимаете? Я умру без него.

Я и так это знала. Еще одна картинка. Зернистый стоп-кадр в духе Хичкока. Ванна под голубой мрамор. Бурая вода медленно остывает. В глазах так и не усмиренное отчаяние.

– Вы можете что-нибудь сделать? Говорят, вы способны менять будущее.

— Кто говорит?

— Говорят... Ну, сделайте так, чтобы он был со мной. Пожалуйста! Что вам стоит?! Я сегодня от мужа ушла. Назад дороги нет. Он не простит. Все простит, только не это. Он думает, что я его из-за старости бросила. А я из-за любви... Может быть, последней. Ну, пожалуйста! Измените мне судьбу!

Она просила о невозможном, не зная, какая цена у этого желания.

– И как же ее менять? – я позволила себе усмешку. – Я ж не врач – там отрезать, здесь пришить.

– Думала, вы знаете. Ритуал, может быть, какой-то? Магический? Приворот? Порча?

Каждый человек умеет три вещи: управлять страной, играть в футбол и проводить магические ритуалы.

– Судьба – не имя, сменить нельзя, можно...

– Что?! – она подалась вперед.

– Изменить ход событий. И то не целиком – флажками отметить, куда идти.

– Я согласна! Делайте!

- Хорошо подумали?

- Хочу быть с ним. Остальное - неважно!

...Мальчик был красив, порочен и дерзок. Созданный для глянца, но не для любви. Припухший капризный рот. Мальчик сидел за компьютером и быстро, словно боясь опоздать, набивал

текст – из ошибок и позерства. Вчитываясь, я автоматически исправляла ошибки и мирилась с позерством:

«Привет. Хочешь, откровенных разговоров? Тебе нравятся мальчишки? А мне нравятся такие, как ты. Какие? Вкусные... ну, блин, зрелые, сексуальные».

Он поглядывал на телефон. Зазвонит?

Дрожа от холода и жажды, я проникла в острые грани его будущего. И едва не порезалась. Пустота в тридцать. Лысина в сорок. Одиночество в пятьдесят. Но сейчас ему двадцать, и его любят.

Судьба ослабилась, бросив вызов.

Никогда не говори «невозможно». Лучше скажи: может, да, может, нет.

И я решилась. Поначалу пальцы не слушались, когда я торопливо распутывала рисунок судьбы, едва не обрывая основные нити и сложные узелки. Но вот в моих руках оказался пучок разноцветной человеческой пряжи. Осторожно, едва дыша, сплела первую косичку, завязала первый мотив, тщательно отделяя нужные нити от ненужных. Постепенно проявился и узор разделенной любви, ровный, почти совершенный. Без узелков.

Из носа хлынула горячая кровь.

Я плела узор, надеясь успеть.

Успела. Когда вены были готовы взорваться, завязала последний – алый – узелок.

- Все. Он будет с тобой.

Софья с ужасом смотрела на мое белое лицо. По полу расползались кровавые кляксы.

– С вами все в порядке?

Я помотала головой, указывая скрюченными пальцами на ее мобильный телефон. Он ожил, издав замысловатую мелодию.

– Да, мой сладкий. Ты один? Соскучился? Конечно, я еду. Муж? Я ушла от него. Скоро получу развод. Что? Ты счастлив?

Она отключила телефон. На губах играла улыбка.

– С ума сойти. Соскучился и даже выключил компьютер. Приготовил ужин и ждет. Подумать только, он ждет меня! – Швырнула деньги на стол, толстую пачку, и сладко потянулась. – Не зря мне вас рекомендовали. Вы действительно... ведьма.

– Пророчица, – просипела я.

– Один черт.

Она не спросила, как долго он будет вместе с ней. А я не сказала. Зачем лишать человека столь короткого счастья?

Когда она ушла, я с трудом поднялась с кресла, ничего не чувствуя. Все выжгло.

По стеночке, по стеночке. На кухню. В горле знакомая жажда. Сухой язык прилип к зубам.

Олег успел выкурить всю пачку. Его глаза, как и мои, были мертвыми. Он знал, что произойдет.

– Опять? – Лялька едва не плакала. – Ты же обещала! Ты обещала мне!

Я достала из холодильника початую бутылку водки и выпила ее всю – винтом.

Дальше – темнота.

То был, наверное, самый сильный запой. Я стремительно теряла человеческий облик, расплачиваясь за содеянное. Но ни секунды не жалела. Почему-то казалось, что один этот мой поступок перевесит прошлые грехи.

На следующий день Олег забрал дочь и куда-то уехал. Или мне так запомнилось? Не знаю. Сейчас и неважно.

Иногда выныривала из забытья, встречала у порога незваных гостей и ворожила, протискиваясь в узкую щель чужого будущего. Слонялась по квартире, то и дело, натываясь на зеркала. И не понимала, откуда в нашем доме столько зеркал.

Уже потом Олег признался, что это был совет психотерапевта: «Ваша жена увидит, во что превратилась, и вернется в семью».

Хреновый психотерапевт.

ВТОРОЙ

...Я очнулась.

В жизни ничего не изменилось.

Все так же бухтел телевизор, все так же пальцы студил холод, все так же бил озноб одиночества. В настоящем не было ничего, что могло бы удержать. Если нет Олега, зачем жить?

Телефонный звонок - он всегда внезапен. Даже и тем более, когда его ждешь.

– Что делаешь? – Судя по звукам, Дима сидел в ресторане. Пианист играл «Killing Me Softly». Довольно неплохо играл. Даже по телефону.

– Ужинаю.

– Я по делу.

– Выкладывай.

– Нам надо жить вместе. Тогда я не буду ни с кем встречаться. Тебе же нужен мужчина в доме?!

– Зачем?

– Любой женщине нужен мужчина. В постели. В доме. В жизни.

Бросила трубку.

Любой женщине нужен мужчина. Смешно. Мать внушала мне эту мысль с детства: хорошие девочки выходят замуж, хорошие девочки рожают детей, сидят дома и никогда не изменяют мужьям.

Хорошей девочкой я никогда не была. Когда же тебе за сорок, глупо прятаться за мужскую спину.

– И откуда в тебе, глупой бабе, столько феминизма, столько стремления к свободе? – удивлялся Олег. – Ты же из себя ничего не представляешь.

– Что ж ты меня, такую дуру замуж взял.

– Когда я тебя брал, ты душой не была.

– Получается, ты меня сделал такой?

– Дура!

Он уходил. Хлопок двери — холостым выстрелом. Но я не боялась, что Олег не вернется. Тогда наша связь была сильнее, чем любовь или ненависть. Я была его дурной привычкой. А дурные привычки можно бросать бесконечно.

Терпение Ляльки лопнуло в мае. Вспомнить бы, какой год на дворе стоял. Ну, неважно – календарные отметины ненадежны. Особенно по прошествии времени.

У нее тогда с учебой проблемы начались, из двоек не вылезала, да и с подружками не задалось. Натура скрытная, в себе все держала. Как я ни пыталась, так и не смогла увидеть, что у нее в душе: плотные тяжелые шторы. Посторонним вход воспрещен.

Я была посторонней.

Фотография того периода. Улыбающийся Олег, напряженная

Лялька, и я – бледная тень в иссохшем теле. Я тогда только-только курс лечения прошла. Дала домашним слово, что больше никаких гаданий на дому. Да и вообще наш дом — наша крепость. И в нем не должно быть чужих. Только Олег, Лялька, я и моя маман по праздникам. В виде исключения. Мы обычная нормальная семья. Я домохозяйка. О том, чтобы мне выйти на работу, и речи не шло. Зачем позориться? У Олега бизнес начал налаживаться. Деньги в доме были. Вот он и решил:

– Времени у тебя – вагон. Пора уделить его семье. Займись чем-нибудь полезным!

– Чем?

– Сиди дома и вари борщи.

Борщи... Время и терпение залечили раны и надломы. И даже Лялькины шторы чуть-чуть приоткрылись, пропуская свет и тьму моей души. Олег вновь стал со мной спать и теперь находил в сексе свое, извращенное удовольствие. Маман все чаще приходила на ужин - не только по праздникам. Мной были довольны. Все шло так хорошо, что становилось страшно. Не сорваться бы!

– Теперь тебя даже людям можно показывать, – сказала как-то раз Лялька за семейным ужином. – Как обезьянку.

Олег и маман переглянулись. До этого Лялька вообще никак ко мне не обращалась.

Обиду я проглотила. Она сделала шаг навстречу – и я уцепилась за шанс:

– Разве во мне есть что-то обезьянье? – улыбка через силу. – Я все-таки человек.

– Была когда-то.

– А теперь?

– А теперь ты у нас гадалка! Вешаешь людям лапшу на уши! Дураки верят!

– У каждого есть право верить в то, во что он хочет. Хочешь – в Бога. Хочешь – в черта. Хочешь – в себя. Мне казалось, люди от меня уходят счастливые.

– Уходят. Только недалеко. После твоих сеансов они мрут, как мухи. Ты им всем врешь.

– Не всегда можно говорить правду.

– А кому нужна твоя ложь?

– Ляля! – охолодил Олег.

– Что – Ляля?! Я уже четырнадцать лет Ляля. Ты разве не

знал, папочка, что дети алкоголиков рано взрослеют? А твоя жена хоть на человека стала похожа. За что ей отдельное спасибо.

Маман тонко улыбнулась, одобряя действия внучки. Впрочем, Ляльку она всегда поддерживала, видя в ней свое собственное – и возможно, более удачное - продолжение.

– Ты куда, Кася? – Олег испуганно приподнялся. Вид у него был на удивление забавный.

– Пойду, покурю на лестницу, – надеюсь, прозвучало ровно и равнодушно.

Конечно, Лялька была права. На все сто. К тому времени я уже привыкла, что все вокруг меня правы.

На лестнице воняло мочой и табаком. Я прижалась к стене и закурила сигарету. Ломало. Зачем мне все это? Ради кого? Чтобы все были довольны? Оправдать чьи-то ожидания? Станный расклад. Когда я жила для себя – Олег и Лялька были несчастливы. Когда я жила для них – несчастлива была я. Ну и как разрубить гордиев узел? Уйти? Остаться?

И тут появилась она.

Марга.

Аккуратный пальчик на кнопке звонка. Она могла стоять часами, нажимая, пока не откроют. В кармане шубки грелись ключи. На моей памяти Марга ими ни разу не воспользовалась.

Прошла на кухню, цокая сапожками.

— Ты помнишь, что тебе завтра работать?

– Помню. Я сегодня уволилась. Сделала все, как ты сказала.

– Тогда выпьем! - Быстро нарезала колбасу, сыр, вымыла яблоки, открыла банку икры, достала из морозилки заледеневшую бутылку. Плеснула в стакан. Марга терпеть не могла стопки, пила большими порциями, никогда не пьянела.

– Вздрогнули! Вечная память!

Водка обожгла и охладила. Закусили красной икрой и яблоками.

– Как же ты про Олежека не почувствовала? Тоже мне, пророчица!

В который раз я подивилась глазам Марги: они у нее очень красивые – выбеленные злостью и ненавистью, с черными, почти матовыми зрачками.

– Все мы не совершенны. И сейчас ничего не чувствую. Словно он где-то здесь, живой, но чужой. Не знаю, как тебе объяснять.

– Объяснять – не надо. Побереги слова для клиентов.

– Я даже плакать не могу.

– Разве ты умеешь? – она, не чокаясь, выпила еще. Мелькнул раздвоенный язычок. Как у змеи. Тот, кто видел Маргу впервые, смущался и невольно отводил взгляд. Сама Марга не любила говорить о причинах этого дефекта, равно как и о глубоком шраме на шее. Шрам обычно маскировала – шарфиком или бархоткой. Сегодня – бархотка.

Она закурила, чуть рисуясь. Знала, что хороша.

– Кто в известность-то поставил? Кто у нас такой добрый?

– Неважно.

– И ты конечно тут же позвонила бывшей подружке?

– Алла так ничего толком не объяснила.

– Эта амёба? – плечико презрительно дернулось, ткань соскользнула, обнажив почти прозрачную кожу. – Могла бы и меня спросить. Я бы тебе в подробностях рассказала...

Хруст яблока. Я почувствовала себя змеем, которого Ева лихо обвела вокруг пальца.

– Чего смотришь? Я же в морг ездила.

– Зачем?

– А зачем в морг ездят? Не на экскурсию же! Олежека опознавать. У него до самого подбородка шов. Криво зашили. Не эстетично. И рана в боку – во-от с такой кулак. Амёба наша последний долг отдать так и не смогла, все в обморок валилась. Мне даже как-то неловко стало. Вторая тоже там без толку была. В вашей семье – все амёбы.

Вторая – Лялька. У них с Маргой давняя вражда, и теперь уже непонятно, кто побеждает – моя дочь или моя... начальница.

– Про его дела тебе что-нибудь сказали? Ну, про дела Олежека?

Значит, он для нее «Олежек». Интересный расклад.

Поняла. Осеклась.

Глаза в глаза.

– Жены обычно мало что про дела мужей знают. Особенно бывшие. Любовницы – другой расклад.

– Ревнуешь? – Марга улыбнулась, ступив на твердую почву.

– К прошлому не ревнуют, ревнуют к будущему. Но ты меня удивила.

– Ну что за жизнь! – она щелкнула зажигалкой. – Только, думаешь, наладилось — и все кувырком!

– Сама проговорила.

– Я и не скрывала, – Марга была невозмутима. – Олежек давно клинья подбивал, когда еще у вас жила. Сопротивлялась, сколько могла, но потом устала. Он ведь угрожал меня выгнать. А потом взял да и подружку твою привел. Помнишь, как все было?

Если бог хочет наказать, то дает тебе хорошую память. В тот момент, когда Алла вошла в мой дом, меня уже увезли. Я содрогнулась, вспомнив собственную грязную тушку, скрученную ремнями.

– Мне пришлось уйти. Они были очень рады, кстати. Дочь твоя даже вещей не дала собрать. Выставила на улицу, в чем была. Чего молчишь-то?

– Слушаю.

– Правильно. Слушай.

– И сколько вы уже с ним?

– Какая разница?! Так, время от времени развлекались. Я его пару лет назад снова встретила, – еще щелчок зажигалки. – Былые чувства вспыхнули вновь... Твой муж – сволочь высшей пробы.

– Был.

– Но денег дал. Тебя уговорил. За что ему посмертное человеческое спасибо. И хватит о нем, ладно?

Мелькнул змеиный язычок.

– Работаешь с завтрашнего дня, – Марга перешла на деловую волну. – В салон — к десяти. В половине одиннадцатого у тебя запись. Больше не пей. Тебе на сегодня достаточно. Как раз к утру в нужной форме будешь. Мы тебе такой пиар сделаем, будешь в полном шоколаде.

Представила себя в шоколаде. Не сказать, что приятно.

– Может, зря мы это затеяли? Ведь рано или поздно сорвусь. И что ты тогда со мной будешь делать?

– В салоне нарколог есть. Выведет, куда надо. Хочешь - в астрал, хочешь - в нирвану. Доставит быстро и без проблем. Для тебя – бесплатно. Бонус от фирмы. Так что не дрейфь. Пара любовных приворотов или что там тебе заказали, и никаких проблем – войдешь во вкус.

На пороге оглянулась – легкая, красивая, грациозная:

– И знаешь что, дорогая? Олежека не жалеет. По делам своим получил. Воздалось сволочи.

– По каким делам?

– А то ты не знаешь!

– Он мне про свои дела не рассказывал.

– Странно... Впрочем, теперь неважно. Про дела его забудь. Так, проблемы в бизнесе. Все в прошлом. В последнее время он был совсем никакой. Блеклый, суетный, пить стал. Не как ты, конечно, но без похмелья не обходилось. Деградировал, в общем.

Стопка водки задрожала в руке:

– Марга! Почему не сказала? Я бы ему помогла!

– А что говорить? - она прошлась на каблуках, охорашиваясь.
– Чем бы ты ему могла помочь, если себе не можешь? Да и на кой черт он тебе сдался? Даже в постели стал никакой. Так что забудь. Похоронили, и ладно. Перед тобой сейчас совсем другие задачи. Ты же пророчица! Вот и занимайся своим делом!

Впервые я увидела Маргу на лестнице собственного дома. Соплюха, жалась к батарее, согреваясь. От одежды шел пар. Рваные кеды набухли от влаги и пованивали. Вторые сутки дождь.

Учуяв свежий табачный дым, соплюха повела носом:

– Тетенька, дайте закурить... А прикурить?.. Сигареты у вас, тетенька, вкусные.

– Обыкновенные.

– И обыкновенное может быть вкусным. Неважно, что оно обыкновенное, правда? Главное, что оно доставляет удовольствие.

– Странное заявление для тинэйджера.

– Мне семнадцать, – она зябко повела плечами. – И причем тут возраст? Кто много видел, мало плачет.

– Лопе де Вега.

Она сделала вид, что поняла:

– Ну да, Вега... Вот и дядя Митя то же самое говорил, пока не помер. Он много поговорок знал – образованный. Выпьет, и давай из классики шпарить. Король Лир там, Йорик. Шекспира уважал.

– А от чего твой дядя Митя помер? От водки?

– Под поезд сиганул. Афишу увидел, и сиганул. Даже не знаю, чего он в той картинке такого разглядел. Афиша как афиша.

«Вишневый сад» в новом составе. Чего он взвыл? Стоял и плакал, я его еле оттащила. Неприлично, когда мужчина плачет, правда?

– Слезы — слабость?

– Наедине с собой – куда ни шло. Но на людях! Зачем давать оружие против себя?

– Так что там с дядей Митей твоим?

– Да ничего, – она закурила еще сигарету. – Несколько дней молчал, потом хлопнул для храбрости – и под поезд. Плохая смерть. Грязная. И людей подвел – состав задержали на два часа, пока его с рельсов соскребали. Люди-то причем? Они же деньги потратили, билеты купили, а тут дядя Митя в роли Анны Карениной.

– Тебе разве не жаль дядю Митю?

– А чего жалеть? Его ж никто под поезд не толкал. И пить не заставлял. Ну, досталось роль другому. Ну? Сам все решил. Только с ним проще было – мужики не приставали, думали, что я с дядей Митей сплю. А как помер, сразу лапаты стали. Пришлось уйти из подвала. Подвал хороший, там горячая вода течет, можно помыться, одежду постирать.

– Родители есть?

– Я ими не интересуюсь, – солгала она. – Живут и живут. Я давно сама по себе. Вот как школу закончила...

– Как же родители тебя отпустили?

– Я для них — позор. На выпускном выпила немного, с пацанами гулять пошла, они меня и... Очнулась на скамейке возле родного дома. Отчего, думаю, платице мое белое в алых разводах, трусы порваны? Мать в истерике. Мол, тварь подзаборная. Отцу по барабану, но к истерике присоединился. Так я в институт и не поступила – из дому ушла. Лето прожила за городом – ягоды, грибы, речка. Осенью обратно в Питер перебралась. Пришла домой – а там замок новый. И мне места как бы нет. Сначала, конечно, помыкалась, потом втянулась – привыкла, сама по себе. Делаю, что хочу. Только кушать иногда хочется.

Именно тогда это и случилось.

Серый столбик пепла - теплый и горький - вместе с алой капелью упал на ступени. Настоящее смирилось перед будущим.

Дар сам рванулся навстречу жертве. Я не стала удерживать. Впервые за много недель почувствовала свое «я» – свободное, живое, пусть и не похожее на других, но живое.

Подобно бутону, пророчество медленно и сладко раскрывалось, сила росла и крепла, легко подчиняя себе все тело. Останови кто в тот момент – убила бы.

Соплюха вздрогнула и застыла. Глаза распахнулись, принимая вторжение.

Есть судьбы, в которые нельзя вмешиваться: сделаешь только хуже. Я и до Марги встречала таких же мытарей – обреченных, искалеченных от рождения и разрушающих все вокруг, и прежде всего, самих себя. Но у этой девочки была особая – обжигающая – сила. Дай ей волю – от мира мало что осталось бы.

Черный клубок, разматывающийся по спирали. Липкие ядовитые нити. Осторожно их распутала, пытаюсь увидеть хоть малейший проблеск света. Ничего. Тьма. Агрессия. Ненависть. Все, к чему прикасалась эта девочка, превращалось в пепел и боль. И кровь, очень много крови. Цепочка мертвых имен. Я на мгновение замерла, когда поняла, ЧТО стало с родителями Марги. И ЧТО на самом деле произошло с дядей Митей. И ЧТО могло произойти со мной.

Почуввав атаку, чужое «я» забило испуганной птицей, стараясь вырваться. Но я цепко держала. На седьмой спирали открылось сплетение наших судеб - ее и моей. Ничего хорошего эта встреча ни ей, ни мне не сулила. Дальше нить распадалась на две тонкие, почти невидимые. Оставь я тогда все, как есть, Марга в тот же вечер погибла бы. А с ней ушло бы и зло, предначертанное ей и мне от рождения.

Отпустить бы ее тогда. Отпустить и забыть. Встретились и разминулись. Я заколебалась. Уйти? Но тут увидела второе ответвление — тоненькое, едва державшееся на клубке судьбы. Дарующее право на равновесие.

Ее нужно только удержать, отогреть и дать проблеск надежды. И я дала шанс, вопреки всему тому, что увидела. И, прежде всего, вопреки себе.

Качало от слабости. Ноги не слушались. Споткнувшись, я вцепилась в узкое - на удивление сильное - плечо. Она не дернулась. Смотрела на меня задумчиво. И в этом взгляде — понимание того, что с ней сейчас произошло.

– А вы ведь пьете, – сказала она.

– Раньше. Теперь нет. Завязала.

– Это вы так считаете. Впрочем, дело ваше: пить или не пить.

Лучше про другое скажите. Как вы ТАК делаете?

– Сама не знаю. Просто Дар – видеть прошлое и будущее. Извини, если причинила боль.

– Какие политесы! У меня все нутро наизнанку, но это не боль, а так... полезный опыт. Мозговая клизма.

Я убрала руку с ее плеча. На коже набухал волдырь. Ожог.

– Не думала, что я такая, – сказала Марга – Одно дело догадываться, другое – знать. Но мне нравится. Спасибо, тетенька.

– Хочешь есть? – я посмотрела на приоткрытую дверь в квартиру. По ту сторону, пылая от ненависти и ревности, к нашей беседе прислушивалась Лялька.

Марга проследила за моим взглядом.

– А дадите?

– Дам. Только тетенькой меня не зови.

– Договорились.

Так я привела ее в дом.

Если мать не любит сына, то его не станут любить ни жена, ни дочь, ни любовница. Так писал один сербский писатель, и был прав.

Но если мать не любит дочь? Станет ли дочь счастливой, и будут ли ее любить?

Мой отец – хороший и нескладный человек - умер, когда мне было десять лет. Быстро и прозаично. Сидел за столом и вдруг стал заваливаться. Пролил кофе. Я смочила салфетку и аккуратно протерла. С тех пор не могу видеть разлитый кофе.

Маман переживала вдовство недолго. Все и так шло к разводу, смерть отца случилась вовремя, избавив от выяснения отношения и дележа скудного имущества. Выдержав полгода, она ринулась на поиски женского счастья, предоставив меня самой себе.

– Ты уже взрослая, – красила губы новой польской помадой, потому голос слегка не похожий, смазанный. – Вполне можешь позаботиться о себе. Деньги на тумбочке – это тебе на неделю.

– А ты?

– Что я?

– Разве сегодня не придешь?

– Зависит от обстоятельств. Ключи у тебя есть. Деньги есть. Не забывай иногда посещать школу. Тебе нужен аттестат.

Я довольно быстро приняла новые правила. Хочешь есть – купи продуктов и приготовь обед. Хочешь спать – стели постель и ложись. Хочешь быть в чистом – постирай. Хочешь не иметь проблем – делай уроки.

Когда маман приходила не одна, то запирала меня в дальней комнате. Прислушиваясь к приглушенным звукам, я с неудобной лежанке считывала тени на потолке. Ее кавалеры не представляли никакого интереса: я точно знала, сколько продлится тот или иной роман, и чем он окончится.

Она часто ошибалась. Но только при крупных ставках. В мелочах была на удивление прозорлива. Шла по жизни легко, почти играючи, не замечая на своем пути самого важного и прикрывая собственную никчемность располагающими улыбками и стрекозиной суетой.

Будучи ребенком, я ее боготворила. Став старше, поняла: детская привязанность — еще не любовь. Мы всегда были чужими. И это причиняло боль. Мне, не ей.

В который раз посмотрела на телефон: ну, давай же, не тяни! звони, черт бы тебя побрал!

Маман позвонит. Знает, что я уволилась. И ей нужны подробности: как отреагировал мой бывший босс, что сказала его любовница, как смотрели на меня в отделе. Из подробностей маман свяжет вполне симпатичное одеяльце, которым будет укрывать чрезмерное любопытство многочисленных подруг: «Не могу же я им сказать, что моя дочь – неудачница. С меня достаточно твоего замужества. До сих пор стыдно в глаза людям смотреть».

Причин моего нынешнего поступка не поймет. И даже авторитет Марги не поможет. Увольнение (по собственному желанию или нет, неважно) – всегда неудача. Проигрыш.

Рядом с маман я, действительно, чувствовала себя неудачницей. Она из тех редких женщин, которые с годами становятся красивее, приобретая благородное изящество. Не растолстела, напротив, после сорока легко сбросила двадцать килограммов, полностью изменив стиль и отношение к жизни.

Ненавидя Олега, маман не уставала подчеркивать свою с ним солидарность в вопросах моего воспитания.

– Ну, хорошо, ты возомнила себя предсказательницей.

Признаю, что в наши дни – модная специальность. Но ты палец о палец не ударила, чтобы получить соответствующее образование и диплом. Получается, ты шарлатанка.

– Какой диплом, мама?

– Такой! Диплом мага, колдуньи, предсказательницы. Кто там у вас еще есть? Я консультировалось – этому обучают.

– Кто?

– Специально обученные люди.

– А их кто научил?

– Специально обученные люди. С дипломом ты могла бы открыть салон и стать очень известной. Как Ванга.

– Тогда бы ты мной гордилась?

– Тогда бы я тобой гордилась.

И почему мне не все равно? Почему мне так важно, чтобы она меня любила?

Ну, вот! Напророчила! Через десять секунд раздастся звонок. Маман звонила, только когда барометр чужого настроения показывал либо очень плохо, либо очень хорошо. В межсезонье не проявлялась.

Звонок. Что и требовалось доказать.

- Марга у тебя? - фоном музыка и мужские голоса. Умела брать от жизни все, что нужно и что не нужно. - Или уже ушла? Она рассказала про *Олежека*? Я очень переживаю. Как он мог!

– Мог — что?

– Умереть! С его стороны так неблагородно – оставить тебя мне. И что теперь с тобой делать?

– Мама, Олег умер.

– Ужас, правда?! Ну да с кем не бывает. Он, конечно, был удивительной сволочью. Тебя, опять же, дуру бросил. С подружкой твоей спутался. Но вот такого финала – нож в спину - не заслужил.

Сиплое дыхание в трубку. Словно подслушивает кто-то.

– У тебя алиби есть?

– Алиби?

– Ну, что ты его не убивала! – шумно отхлебнула из бокала. Солоно и горько. Лимон и текила. – Меня уже допрашивали.

– И что ты сказала?

– Что у вас были очень сложные отношения, и ты вполне могла, - она лизнула соль, – его убить.

В конце концов, я даже не знаю, в какой день погиб Олег, как

я могу думать об алиби? Да и зачем?

– Я что-то хотела тебе сказать... Вот память!.. А, вспомнила! Ты ведь завтра у Марги начинаешь работать?

Надо же, уже в курсе. Спасибо Марге. Избавила меня от длительных объяснений.

– Завтра.

– Видела вашу рекламу. Молодцы, со вкусом сделано!

– Мама...

– Что?

– Ты меня любишь? Хоть немножко?

В трубке позвякивали кубики льда.

Неужели так сложно соврать?

– Мне пора, – сказала она, наконец. – Кстати, похороны получились красивыми. Жаль, что ты так и не удосужилась проститься с бывшим мужем.

– Ты там была?

– Все приличные люди бывают на похоронах такого уровня.

Я поняла, что давно уже не вхожу в разряд приличных людей.

Жизнь — как вышивка: у одних узор яркий, красивый, у других – путаный, сплошь из узелков и блеклых нитей. Вроде и узор симпатичный, а все равно – удача мимо скользит. Как ни старайся, тебя не видит.

А у иных и того сложнее: на лицевой сторонке красота и благодать, но стоит только перевернуть вышивку, видишь неприглядную изнанку – напутано, наверчено, грязно. А бывает, коснешься ниточки, вся картинка у тебя в руках рассыпается. Было все, а теперь и нет ничего.

Вот так и с Олегом. Много авансов ему жизнь отмерила. Но где-то он все-таки ошибся и что-то не просчитал, раз его убили.

Пока мы были вместе, я, как могла, угрозу отводила. Умел он вляпываться в сомнительные истории.

– Я, Каська, великий комбинатор. Щелкну тебя по носу, весь мир завертится.

Хвалиться все мужики горазды. А этот — как павлин упитанный. Хвост распушит и ну клокотать перед птичником, демонстрируя свои прелести. А птичник знай себе, подзуживает: давай еще, на бис, чтобы публика не заскучала.

Казалось бы, чего проще: жить с предсказательницей. Она тебе всю твою жизнь наперед расскажет и покажет. Однако в отношении близких дар давал сбой. Ведь все должно быть прямо наоборот: кого знаешь и чувствуешь лучше, тому и предскажешь с максимальной точностью – как жить и что делать, кого избегать и где можно рискнуть. Но ни с Олегом, ни с Лялькой, ни с Маргой у меня ничего не получалось.

Олег умер. Марга видела его тело. Ляля. Алла. Даже маман умудрилась побывать на похоронах. Почему же у меня нет ощущения, что его нет? Физически – нет!

Я и раньше, случалось, смотрела в его будущее, а там — как стекло напотевшее: только смутные тени. Поди-ка разбери. Вот и приходилось руны задействовать. Руны ни разу не подвели. Они-то мне и измену подсказали. Только куда ж мне, убогой, с Аллой соперничать?! Я даже узнать толком не смогла, когда они сошлись. Не до того было. Больница за больницей. В себе бы разобраться, где уж чужие отношения понять.

Да и не виню... Вот я тогда и за Олега решила. Зачем ему алкогольчик? Зачем дочери такая мать? Мать, которой постоянно стесняешься? А то, что они от меня с легкостью отказались, моя личная боль. Кто про то сейчас знает!

Водка остужала голову, делала ее ясной и легкой. Я вдруг вернула себе способность не только думать, но и соображать. Итак, Марга спала с моим бывшим. Про нее ничего плохого не скажу, она с любым готова. Секс для Марги — как стакан воды перед едой. Выпил, и меньше есть хочется. Но почему Олег согласился? Ведь он ее ненавидел больше, чем меня, непутевую. Ненавидел? Или я опять что-то пропустила? Думай, Каська, думай. Когда они могли сойтись? Как получилось, что Марга знала об Олеге больше, чем я? И больше, чем его нынешняя жена, Алла?

Получается, Марга и Олег общались за моей спиной. Мой бывший муж и моя... До сих пор не знаю, как охарактеризовать свои отношения с Маргой. Кто она мне? Подруга? Любовница? Начальница? Остановимся на последнем.

Вспомнила разговор с ней в конце октября. Странноватый...

Она позвонила на работу:

– Скучаешь? Не надоело жить от зарплаты до зарплаты?

– Стабильность не надоедает.
– Неужели?
– Марга, меня все устраивает. Плыву по течению. Мне хорошо.

– Ты тонешь! Еще немного, и пузыри по воде пойдут. И тебе плохо. Ты перестала спать. Почти ничего не ешь, и, извини, все чаще прикладываешься к бутылке.

– Я сижу на диете «Пять веселых сырков». Один сырок в день и несколько бокалов вина.

– Оригинально! – И выдержав паузу: – Я сегодня говорила с Олегом. О тебе. Он беспокоится.

– Мы с ним давно в разводе.

– Развод разводом, но близкими людьми вы быть не перестали. Он по-прежнему только тебя и любит. Ну, мне так кажется. Да, ненавидит пунктирно, а так – любит.

– С какой радости ты с ним встречалась?

– Денег просила. Я магический салон открываю.

– В кризис-то? – За окном облетали кленовые листья. Дождливая пряность и грусть. – Ну, и как? Дал?

– При одном условии. Я должна взять тебя на работу. Предсказательницей. Оформление по Трудовому Кодексу. Аванс и зарплата. Любая переработка оплачивается свыше. Согласна?

– А если я не соглашусь, денег он тебе не даст. Так?

– Именно. Знаешь же, Олег – человек жесткий, особенно в отношении финансов. Соглашайся, без его и твоей помощи у меня ничего не получится.

– Олег дает деньги на магический салон? Мир сошел с ума!

– Умение признавать ошибки – признак умного человека.

– Только давай без пошлых афоризмов.

– Ладно, без афоризмов. Олег боится, что ты снова начнешь пить. Он признал, что ты должна использовать свой дар.

– Хотя и не верит в него.

– Может, теперь и верит, раз деньги дает. Он вообще странный какой-то стал. Нострадамуса читает. Говорит, хочу понять, где ложь, а где правда. Ты будешь у меня работать?

"Время - не деньги. Время драгоценней, нежели деньги. Время - это жизнь".

– Я буду у тебя работать.

Как-то быстро потом все закрутилось, завертелось. Даже не было времени осмыслить тот разговор.

Олег читает Нострадамуса? Новость сродни тому, как если бы Папа Римский (неважно, который по счету) вдруг заявил, что он «аццкий сатана».

В начале ноября мы с ним, с Олегом, встретились. Позвонил, пригласил в кафе. Согласилась. Почему? А просто захотелось.

– Плохо выглядишь, – сказал он.

– Алаверды.

– Compliments всегда были нашей слабой стороной, – сказала он серьезно. – Я сделал за тебя заказ. Надеюсь, твои вкусы не изменились. И ты по-прежнему любишь ягодный чиз-кейк.

– Люблю.

Он дернулся.

– Марга сказала, ты согласилась?

– Глупо отказываться. Удивлена, что вы с ней общаетесь. Мне казалось, что в основе ваших отношений – ненависть.

– Мы не общаемся. Мы... В общем, неважно. У нас есть общая тема, которая ни ей, ни мне не дает покоя.

– И какая тема?

– Ты. Мы соревнуемся в любви к тебе.

Я рассмеялась. И сменила тему:

– Что нового в твоей жизни? Как Ляля? Алла? Ты счастлив?

– На какой вопрос отвечать?

– На какой хочешь.

Принесли заказ. Чиз-кейк со свежей клубникой и малиной. Как я люблю.

– Ты смотришь на него, как маленькая девочка, которая все еще верит в деда Мороза.

– Ты не ответил.

– Отвечать нечего, потому и не ответил. Скажи, Кася, ты никогда не думала, что все мы – часть чьей-то замысловатой игры? Нас дергают за ниточки, и мы движемся в заданном направлении.

– А кто кукловод?

– Хотел бы я знать.

– Что-то случилось?

– Ничего особенного. Просто не покидает ощущение, что моей жизнью кто-то управляет. И делает это весьма топорно.

Любое вмешательство раздражает. Я под колпаком, Кася.

– Кризис среднего возраста.

– Красивое название для климакса. Кризис среднего возраста. Ты понимаешь, что уже не молод, две трети жизни прожито, а впереди – полная дисгармония и неустроенность. Кто-то сказал, что климакс – это личный Апокалипсис. Выживают единицы.

– Слишком мрачно смотришь на это. Все не так страшно. Обычные биологические процессы: мы не становимся хуже, мы становимся другими. Только и всего.

– Тогда почему у меня чувство, что я где-то ошибся? И уже не смогу исправить свою ошибку – время вышло.

Я коснулась его руки и с усилием перевернула ладонью вверх. Знакомое переплетенье линий. Длинная линия жизни. Застывшая линия любви. Напряженная линия ума. И несколько крестиков – отметок прожитых событий. Все, как обычно.

– Что напророчишь?

– Жить будешь долго, и относительно счастливо. Черный период пройдет, и станет легче. Ночь наиболее черна перед рассветом.

Олег осторожно высвободил холодную руку, словно я сказала совсем не то, что ему хотелось услышать.

– Я вот зачем тебя позвал... Тебе **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно работать у Марги. Это очень важно.

– Что за идиотские загадки? Олег, что с тобой? Ты заболел? Или тебе твой Апокалипсис, который климакс, в мозг ударил? Или...

– Я получил письмо, – сказал он так страшно, что я запнулась. – Это как свою смерть вдруг увидеть – четко и ясно. Только не спрашивай, что за письмо. Пока не могу сказать, иначе все будет бессмысленно, и мы с тобой ничего не сможем изменить. А если не сможем, то все вокруг погибнут. Понимаешь, Кася? Все! Глупо, когда от тебя зависит судьба мира, а ты ничего не можешь изменить. Замкнутый круг. Мы не вольны распоряжаться своей судьбой. Ею распоряжается кто-то другой, за нас. Мы обречены.

– Какой смысл переживать? Все произойдет своим путем.

– Ну, уж не-ет! Так просто я ИМ не дамся. Я и ИМ такой фейерверк напоследок устрою!

– Решил поиграть в Терминатора?

– Странно, правда? – усмехнулся Олег. – Мы поменялись с

тобой местами. Теперь ты — скептик, я — мистический параноик, у которого все мысли только о том, как пережить свой личный Апокалипсис. Думаешь, я спятил? Правильно думаешь. Я сошел с ума. Я сошел с ума в тот момент, когда решил с тобой расстаться. Я ненавижу тебя. Господи, больше всего на свете я ненавижу тебя и свою зависимость от тебя. Ты же — яд, Кася, черный, страшный яд, отравляющий душу и тело. Все, кто с тобой столкнулся, не могут жить без тебя. Как думаешь, о чем мы говорим с Маргой? С Аллой? С Лялькой? Мы говорим только о тебе. Я ненавижу говорить о тебе!

– Ты затем меня и позвал? – я поднялась и бросила салфетку на стул. – Еще раз сказать, что я испортила тебе жизнь, и ты меня ненавидишь? Не стоило утруждаться. И так знаю.

– Подожди! Ты не поняла! Я хотел сказать совсем о другом!

– Но сказал об этом. Чиз-кейк удался. Всего хорошего!

Когда я расстаюсь с человеком навсегда, то говорю ему «Всего хорошего!». Он отвечает: «Спасибо!», не подозревая, что я с ним расстаюсь навсегда.

Луна не давала уснуть: за стеклом плыл огромный молочный блин, настолько большой, что видны все его пятна — притягательные в своем уродстве.

Ни черта я не знаю о бывшем муже. Как и зачем жил последние годы, о чем думал, о ком беспокоился? Был человек в жизни, и будто бы сам себя из нее вычеркнул.

Вот именно — будто бы.

Что-то изначально не складывалось. Почему мне позвонили только сегодня, уже после похорон? Не вчера. Не два дня назад. Не в день смерти Олега, а сегодня, постфактум. Ни времени, ни желания проинформировать жену-алкоголичку, бывшую. Всего-то и надо — набрать семь цифр, назвать дату, время и место гражданской панихиды. Все! Остальное — мое дело, приходит или нет. Меня же поставили в известность во время поминок.

Месяц назад я смотрела на ладонь Олега и видела всего лишь проблемы в бизнесе, пусть нечеткие, размытые, но — обычные ситуации, с которыми сталкивается любой предприниматель. Но насильственная смерть? В подворотне? И почему я ничего не почувствовала? Пусть мы расстались, пусть считались заклятыми

врагами, но эмоциональная связь ни на секунду не прерывалась. Почему я не вздрогнула в тот момент, когда нож оборвал его жизнь? Как сказала Алла? Зарезали, как свинью.

Стоп! Я вдруг поняла, что именно беспокоило и не давало уснуть. Способ убийства.

Алла сказала, что Олегу перерезали горло.

Марга – об ударе в живот.

Маман упомянула ранение в спину.

Общее – нож.

И общее - Олег.

Значит, кто-то из них говорит правду, остальные врут. Или врут все.

«Я получил письмо. Это как свою смерть вдруг увидеть – четко и ясно. Только не спрашивай, что за письмо. Пока не могу тебе сказать, иначе все будет бессмысленно, и мы с тобой ничего не сможем изменить. А если не сможем, то все вокруг погибнут».

Рванула оконную раму. Холодный воздух, замешанный на дожде и снеге. В ночной темноте множились влажные тени. Балансируя на подоконнике, тихонько позвала его душу, надеясь найти либо в мире живых, либо в мире мертвых.

В ответ — тишина. Я по-прежнему не чувствовала Олега, но вместе с тем знала, что среди мертвых его нет. Как нет и среди живых. Что за чертовщина?

Тогда кого сегодня похоронили?

ТРЕТИЙ

Я встала с кровати, сгребла одежду и направилась в ванную – отогреться и одеваться. Вода – тонкой струйкой, скорее остужая, чем согревая. Кое-как вытерлась, накинув махровый халат. Шесть утра. Горячий кофе. Стареющая, усталая тетка. Тут даже хороший стилист не поможет. Глаза все выдают. Правда, тетка не без способностей. Хотя кому нужны эти способности? Миром правит бездарность, миру она по душе. Нельзя исправить, но должно презирать. Сенека.

Дом еще спал.

На улице ветер со снегом.

Салон во дворе-колодце на Невском.

Марге нравился центр города — с мрачной аурой и обманчивой предсказуемостью. Я же сейчас стояла на Среднеохтинском проспекте. В общем, не так уж близко, но не так уж и далеко. Руки в карманы, и — вперед.

Оказалась на мосту. Декабрь, но река уверенно противостояла льду, существуя по своим законам. Я перегнулась через перила. Кто вчера думал о самоубийстве?

Ну же...

Визг тормозов.

— С вами все в порядке?

Зеленая «audi». Приоткрытое окно. За черными очками не видеть глаз. Мелькнула мысль: зачем даме зимним утром солнцезащитные очки? Как мелькнула, так и пропала.

— Все отлично!

— Вас подвезти?

Добрая самаритянка на Большеохтинском мосту.

Села в теплый надушенный салон.

— Инга.

— Кассандра.

— Ого! Знаковое имя. Пророчите? Гадаете?

— А что еще остается?

— Тоже верно. И как предсказываете? Удачно?

— Не всегда. Если пророчество плохое, никто не верит. Точнее, не хочет верить.

— Например? — у нее тонкие, сильные пальцы. Марге бы понравились.

— Например, когда говоришь человеку, что ровно через год он умрет. Или через месяц. Можете предсказать его реакцию?

— Легко, — улыбнулась. — Мы все знаем, что когда-то умрем, но надеемся, что этого никогда не случится. Ваши слова как выбитая табуретка — оп-па, и нет опоры. Может, в таком случае лучше промолчать?

— Может, да. Может, нет.

— Не поняла. Да или нет?

— Вижу, не знаете этой притчи, — мы уже ехали по Суворовскому проспекту.

— Н-не знаю.

— И ладно. Как-нибудь в другой раз.

— В другой, так в другой.

Затейливая барышня. На вид – глянец: все подобрано, подогнано, прилажено. Но именно обманчивая слаженность – главный диссонанс: за дорогими одежками, хорошими манерами было еще что-то. И это что-то не давало проникнуть в ее «я». Или все дело в темных очках?

— Вот здесь притормозите. Сколько я должна?

Она задумалась.

— А можно я к вам на сеанс приду?

— Приходите. Вот только не знаю, будет ли это правильно.

Она усмехнулась:

— Может, да. Может, нет.

Никого.

Я открыла дверь. Сразу – мерзкий писк. Ах, да! Сигнализация. Марга предупреждала. Если вдруг что – нагрянут бравые молодцы с оружием наголо.

Зачем ребят напрягать? Код – дата, месяц и год рождения. Не забудешь. Не ошибешься.

Писк сник. Спите, мальчики, спокойно. Тетя Кася на страже родины.

Марга оборудовала мое новое место работы на свой вкус – в духе гадательного салона: с черепами, хрустальными сферами, заунывной музыкой. Новенькие колоды карт, руны, китайские монеты – чего тут только не было. Марга невдомек, что все это не нужно.

– Желание клиента – закон. Если клиент хочет, чтобы ему погадали на картах — погадаешь. С тебя не убудет, а человеку приятно. Я специально узнавала, сейчас модно: руны, Таро, Книга перемен. Астрология – так себе, постольку поскольку. На всякий случай, поучись гороскопы составлять. Всякие там натальные карты.

– Натальные.

– А, значит, умеешь! Очень хорошо. Хочешь, мантию звездочета тебе купим? В магазине розыгрышей видела, со скидкой.

– Марга!

– Извини. Увлеклась.

Комфортно ли мне здесь? Прислушалась к ощущениям. Опасность и нервозность. И предупреждение.

Желание клиента, значит? А вот и он, первый спозаранку, здрасьте! Точнее, она.

— Неужели все так плохо?

Брюки впились в бедра до синевы. Джемпер плотно обтягивал толстые бока. Три подбородка нервно подрагивали.

– Чтобы понять вашу проблему, мне нужно проникнуть в ваше будущее.

– А как?

— Просто позвольте мне сделать это.

Она кивнула.

Всего одна фраза, один кивок, и чужое сознание полностью подчинено. Сахарная вата. Я тонула в липкой субстанции, задыхаясь от запаха жженого сахара и ванили.

Выбралась, чувствуя себя липким и невкусным леденцом.

— Неужели все так плохо?

— Отчего же! У вас два пути. Первый – продолжать жить так, как вы живете.

— И?

— Через три года умрете. От закупорки сосудов.

— А второй?

— Пройти в соседний кабинет к нашему диетологу. Разработать программу похудения. Через два года у вас будет свой бизнес, через пять выйдете замуж за иностранца. За итальянца. Тут могу ошибаться. Может быть, за француза. Будете счастливы и богаты.

– Столько раз худела. А потом снова набирала. И снова худела.

– А почему вы худеете?

– Неприлично быть толстой. В транспорте люди ругаются. Много места занимаю. И муж ушел. Сначала спать не хотел, потом на людях стеснялся, а потом – просто ушел.

– Хотите его вернуть?

– А зачем? Вы же мне итальянца пообещали. Или француза.

— Я в тебе не ошиблась, - похвалила Марга. - Она сейчас у нашего диетолога. По двойному тарифу. Кстати, когда будешь разговаривать с другими, имей в виду, что у нас есть...

— Я знаю штатное расписание.

— Извини...

Марга замялась, что на нее совершенно не похоже.

— Тут к тебе еще гостья...

Я знала, кто.

— Сделай так, чтобы нам не мешали.

За то время, пока мы не виделись, Алла не слишком изменилась. Разве что стала суше, резче и откровеннее. Светлый свитер и бежевые брюки. На лице – легкий и уместный макияж. Не скажешь, что новоиспеченная вдова.

— Удивлена? - Вот проезжала мимо, решила навестить.

— Врешь.

— Ну, хорошо... Еще на прошлой неделе Марга сказала, ты будешь у нее работать. Не смогла сдержать любопытства. Решила посмотреть, неужели ты впрямь вернулась к нормальной жизни.

— И как?

— Смотришься неплохо, – Алла оглядела кабинет. – Кабинет у тебя забавный. Для идиотов.

– «Идиот» в переводе с латинского – человек думающий.

– Сама придумала или в книжке прочитала?

– В книжке. «Идиотка» называется.

– Про тебя, значит.

– Книжка хорошая. Поэтому мне лестно. Мы так и будем обмениваться колкостями?

– Извини, привычка. Ты меня раздражаешь.

Она покрутила в руках хрустальный шар и толкнула ко мне. Шар с легким стуком покатился по мраморной черной столешнице. Я поймала. Обжег пальцы.

Синхронно закурили.

— Как Ляля?

— С учетом обстоятельств, весьма неплохо. Пытается шутить. Они с отцом не слишком ладили в последнее время. Ссорились.

— Была причина?

— Сложно сказать, – она стряхнула пепел в блюдце с шоколадом. – Олег в последнее время стал совершенно невыносим. Словно подменили. Когда бывал дома – срывался и кричал. В основном, на Ляльку, конечно. На меня – какой смысл? Мы с ним

давно стали чужими людьми.

Я промолчала.

Алла внимательно вглядывалась в мое лицо:

– Рада?

– Чему?

– Тоже верно. Мертвого мужика уже не поделишь. А знаешь, почему я его у тебя увела? Что молчишь? Ведь интересно. А, подруга? Интересно тебе? А увела я его только по одной причине. Подумала, если он тебя ТАК любит в том состоянии, в каком ты была, то уж меня будет любить еще крепче.

– Ну и как?

– Ошиблась... И что он в тебе нашел? Ни кожи, ни рожи...

– Что следователь говорит? Убийцу не нашли?

– Сериалов насмотрелась? – Алла прикурила вторую сигарету. Пальцы слегка дрожали. – Не найдут. Дежурные вопросы. Полное равнодушие. Никому ничего не надо.

– А тебе? Можно частного детектива нанять.

– У-у, какие мы умные! И что? Платить «бабки», чтобы в итоге получить нулевой результат. Да и вообще... Какая разница, почему его убили? Убили и все. Не ты с ним жила в последние годы, не ты терпела весь этот кошмар. Он же параноиком стал!

– А в чем это выразалось?

Лялька точно мне не скажет. Алла – другое дело. Ей явно поговорить хочется, а не с кем. Кроме меня, подруг нет. Горькая ирония: бывшая жена мужа – единственная подруга.

– Пил он много... Сидит перед компьютером сутками, пьет и разговаривает сам с собой. Иногда, правда, в свой офис ездил, там какие-то проблемы начались, но его они совершенно не волновали. Я сначала думала — кризис среднего возраста. У каждого мужика бывает, сама знаешь. Ну, закладывать стал, любовницу завел. Ну и что? С кем ни бывает? Пройдет и это. Так что поначалу я его даже и не ругала – все, как в журналах советуют. Романтические ужины, поездки вдвоем, чтобы чувства обновить. Нет, я не спорю, он старался. Честно старался. И так это было видно, что тошно становилось. Лежит со мной, а думает совсем о другом. А потом вообще, как с цепи сорвался. Знаешь, он недели за две до смерти стал фильмы смотреть. С бутылкой, как же без нее. Я на днях дивидишки собирала, все фильмы на одну тему. Апокалипсис. В общем, съехал с катушек наш муженек, Кассандра. Может, и

хорошо, что так все вышло. Грех, конечно, говорить, но... Еще немного, и я бы его возненавидела. А получается, что и ненавидеть не за что. Все закончилось.

– Может, ему угрожали?

– Да кому он нужен?! Фирма по швам трещит. Продавать надо, мы с Лялей уже все обсудили. На торги выставим. Нам этот бизнес ни к чему, чего не скажешь о деньгах. Завещание огласят, и начнем подготовку. Жалко, что кризис, много денег не выручишь. Раньше, да, был лакомый кусок.

– Ляля хочет продать бизнес отца?!

– А что тебя удивляет? Молодая девушка – ей нужны деньги. Много денег, чтобы успеть вложить свою молодость и внешность с наибольшей выгодой. К тому же, Олег сам виноват. Она каждый год просила устроить ее в отцовскую фирму, чтобы дело изучить до мелочей. А он отказывал.

– Почему?

– Козлов старых наслушался, партнеров своих заграничных. Они своих детей сознательно в бизнес не пускают: сначала нужно сделать карьеру в другой фирме, и только потом – добро пожаловать в папочкину фирму. Иного пути нет. Олег решил, что это мудро и дал Ляльке от ворот поворот. Мол, нечего за отцовской спиной прятаться. Welcome во взрослую самостоятельную жизнь! Кто возьмет девчонку без опыта и связей? Вот ты мне скажи, кто?!

– А что, разве она особенная? Тысячи выпускников в таком же положении. Каждый год! Мы сами с нуля начинали.

Алла с презрением передразнила:

– «Разве она особенная?» Хороши родители нечего сказать! Да, тысячи людей в таком же положении, но у них нет богатого отца, который может помочь. Зачем отдавать силы чужой фирме, когда ты их можешь отдать своей?! Вот Лялька и возненавидела все это. И фирму она ненавидит. И продаст с наслаждением. А там, дай бог, разъедемся. Она замуж выйдет, а я, наконец-то, поживу в свое удовольствие.

— Замуж? За кого?

— Есть один на примете. Полгода уже встречаются. Хороший мальчик. Обеспеченный. Олег, правда, не очень был доволен, но Лялька его не слушала. Лично мне ее выбор нравится. Правильный выбор.

— Она влюблена?

— Собирается замуж. Отговаривать не стану. — Она дернула молнию на сумке, нервничает. — Поговорили, дорогая, и хватит. Время — деньги. Ближе к делу. Я ведь не ляды точить приехала. Собеседник ты так себе.

— Допустим. Что тебе надо?

— У меня письмо. Разбирала бумаги Олега, нашла. Тебе.

Белый конверт. Узкий. Почерк Олега не спутать. «Кассандре».

— Заклеено, — зачем-то добавила Алла.

— Спасибо. Не ожидала. Могла бы и не отдавать.

— Лялька так и предлагала. Но я решила, что должна выполнить волю Олега... Ты возьмешь этот чертов конверт или нет?! — Алла в сердцах бросила письмо на стол. — Как же мне надоела ваша семейка! И зачем я только со всеми вами связалась!

— Последний вопрос. Ты видела его в морге? Это — он?

— Что я, собственного мужа не узнаю?

— Марга сказала, вам с Лялей плохо стало. И опознала — она.

— Марга?! — Алла метнулась ко мне, схватив за грудки, зашипела в лицо: — ПО. КАКОМУ. ПРАВУ. ЭТА. СУЧКА. МОГЛА ЕГО. ОПОЗНАТЬ. КТО. ОНА. ЕМУ. Я ТЕБЯ. СПРАШИВАЮ. КТО. ОНА. ЕМУ.

— Отпусти, пожалуйста.

Алла сразу обмякла.

— Да. Знаю. Он с ней спал. В нашей кровати. Как я в твоей спала. Наказала она меня. Убить не убила, но почву из-под ног выбила. Я ведь была уверена, что Олег только тебе изменяет, а мне не станет. Где ты, и где я? А он Маргу привел. Маргу! Думаешь, он ее хотел? Да он тебя хотел все время! А с ней спал только потому, что она с тобой спит! Знаешь, когда он ее трахал? Только если она после тебя была. И мыться ей запрещал. А она смеялась.

Алла теребила на шее жемчужное ожерелье, вот-вот нитка порвется. Вот-вот. Вот и...

Розоватые бусины брызнули в разные стороны и со звонким стуком упали на пол.

— Теперь и бусы! — Алла встала на колени и стала их собирать.

— Чего застыла? Помогай.

Мы ползали по полу, ловя юркие горошины.

Вроде все собрали.

— Не помнишь, сколько их было?

Она не поняла:

– Кого?
– Жемчужин.
– Какая теперь разница? Носить все равно не стану, – тяжело поднялась. – Совсем не так представляла нашу встречу. Ты взяла реванш. Поздравляю!
— Может, помочь? Я могла бы...
— От тебя мне ничего не надо. Тем более, прогнозов. Не лезь в чужую жизнь! У тебя несчастливая рука.
– Тебе так плохо?
– Жизнь продолжается. — Самый неопределенный ответ из всех. — Ладно, удачи. Надеюсь, видимся в последний раз.
Сказала почти искренне.

Жемчуг мы собрали не весь. Марга наступила на бусину, и ее жгло любопытство.

— Что она хотела?
Конверт притаился в сумке. В наглухо застегнутой.
— Позлорадствовать. Не получилось.
— Амёба и есть амёба, — Марга что-то быстро просчитывала в уме. - Про нас с Олегом что-нибудь говорила?
– Только что вы спали.
– Это я ей за тебя отомстила! За то, что она в твоей постели с ним кувыркалась. У нее такое лицо было, когда нас увидела. Как у чукчи, когда он из тундры в Эрмитаж попадает. Культурный шок. Вот и у Аллы твоей культурный шок случился от нашей эротики.
– Она не моя.
– Извини, пошутила. А про Олега что-нибудь рассказывала?
— Нет.
— А ты, значит, и не спрашивала, – она прищурилась. – Олег на развод подал. Я точно знаю. Только не думай, что из-за меня. Я ему так – развлечение на час. Сказал, что с Аллой жить не может. С Лялькой у них полное взаимонепонимание. В общем, он хотел начать новую жизнь. Ты бы лучше села... Коньяку плеснуть?
– Плесни.
Плеснула. «Курвуазье».
– Когда он подал на развод?
– Месяц назад. Детей у них нет, так что развести, по идее, должны были быстро. Но Алла уперлась – совместно нажитое

имущество, и его надо бы поделить. Если бы он не умер, точно бы развелся.

– Он умер.

Марга щелкнула пальцами перед моим лицом:

– Кассандра, ау! Думай, что делать дальше! Не тупи!

– Ты-то что от меня хочешь?

Марга вздохнула и принялась мне объяснять, как маленькой:

– Если Олег собирался развестись с Аллой, значит, понимал, что в случае его смерти, имущество достанется Алле и Ляльке. Ферштейн? Кому он мог все оставить? Тебе! Ты должна присутствовать на оглашении завещания.

– Ерунда все это. Прошное надо оставить прошлому.

– Ты же не любишь заезженных фраз, – Марга разглядывала найденную жемчужину. Крупная бусина, розовая и прозрачная.

– Не люблю. Но они очень удобны. Особенно, когда не знаешь, что сказать.

– Ясно. Просто не хочешь влезать во все эти дела и отнимать у дочурки кусочек хлеба с черной икрой. Так? Знала бы, не пустила суку на порог!

– Ты про дочурку?

– Про подружку твою дорогую. Пришла и говорю, называется. Весь настрой тебе сбила.

– Не переживай, на клиентах не скажется.

– Дай бог!.. Только ты в промежутке между клиентами вот о чем подумай: что после Олега останется. Они ведь продадут его фирму. А там и твоя доля есть. Я не про деньги, я про нервы твои, про время, про молодость. Это *ваша* фирма, Кассандра. И это все, что у тебя осталось от мужа.

– Лялька передумает. Она сейчас хорохорится, просто в себя еще от шока не пришла, да и Алла надавила. Но она все поймет.

– Тю! – насмешливо «тюкнула» Марга. – На этом месте я всегда плачу. Передумает, говоришь? Поймет? Чем?! Чем поймет-то! Мозгами? А они у нее есть?! Когда в последний раз извилины напрягала? Что она вообще умеет?! Кроме того, как родную мать из своей жизни вычеркивать. Ведь до сих пор считает тебя алкоголичкой.

– У нее есть на то причины.

– Возможно. Только между той Кассандрой и этой разница в семь с лишним лет. Ты изменилась, стала другой. И не пьешь

только потому, что никто не собирается насилловать твой дар. Впервые в жизни ты на своем месте. Пьют, когда плохо. Пьют, когда хорошо. Но когда нормально – не пьют. Норма – не повод для выпивки, понимаешь? Вот и Олег это понял. Ему всего-то и было нужно создать тебе нормальные условия, в которых ты могла бы жить. Вместо этого он тебя сломал. Оборвал ниточки, а потом отбросил за ненадобностью.

– Марга, все это былем поросло.

Она стукнула по столу. Подпрыгнул хрустальный череп. Бедный Йорик!

– Мать Тереза! Простила, утерлась, в ножки поклонилась. А фирма? Ты ее амёбам отдашь?

Она не на шутку разозлилась.

– Хорошо, я подумаю.

Марга мгновенно успокоилась, будто я дала ей честное пионерское – бизнес Олега будет наш. Алле и Ляле ни скрепки не достанется.

– Вот и славно! Я знала, что ты примешь верное решение. О юристе не беспокойся – найму лучшего. Мы им еще покажем! А теперь – за работу! У нас новый клиент.

Бесконечный день, сотканный из непростых историй и чужих имен. Рекламная акция: пророчество со скидкой.

Марга вытерла лоб:

– Прости. Я не подумала о том, как тебе тяжело. Больше не повторится. Завтра подкорректирую расписание. Скажем, между каждым клиентом перерыв в двадцать минут.

– Минимум, полчаса. Мне нужно время, чтобы восстановиться. Вообще–то я бы назавтра взяла отгул.

– После первого дня работы? Ну, ты даешь!

– После первого дня *такой* работы. Или хочешь меня наизнос?..

– Не хочу. Хочу всерьез и надолго. Ладно, подумаем. Будем считать сегодняшний день исключением. А сейчас иди. Вон клиент на пороге топчется. И губы накрась. Лицо у тебя – краше в гроб кладут.

Я покорно вернулась в свой кабинет. Возражать бессмысленно. «К ноге! Место!». Когда люди хотят нас

осчастливить, они становятся чрезвычайно навязчивыми. Но чего я ждала от Марги? Понимания? Сочувствия?

Подсознательно хотя бы сочувствия: чтобы она не просто поддакивала, а искренне, от души, чтобы она была на моей стороне. Но она и шага не сделала со своей территории. Сейчас я ей нужна. Исключительно с финансовой точки зрения. И пока я нужна, она будет со мной максимально внимательна и вежлива. Но не так, как мне хочется. А так, как она умеет.

Вот маман неизменно отказывалась от любой попытки ей помочь. «Спасибо, Кассандра, я сама». Даже когда сломала ногу, сама ползла в туалет, отвергая помощь. Сила и самодостаточность.

– Вы позволите?

Нехотя улыбнулась мужичку в несвежей рубашке, издерганному разводом и дележом смешного имущества. Бедняга, он все еще любил бывшую жену.

— Что мне делать, доктор? С ней невозможно, без нее хоть в петлю.

Для него я – доктор. Последняя инстанция. Окончательный диагноз: пациент мертв или пациент еще жив. Срочно в реанимацию! Он готов на все, лишь бы выжить в непутевом браке.

Нырнула. На бешеной скорости понеслась по спирали. Кто бы мог подумать, что под внешностью маленького человечка скрываются столь эмоциональные «американские горки»?! Короткая история: встретились – стали жить вместе – подали на развод. Никакой битой посуды, никаких адюльтеров. Женская усталость и нежелание спать в одной постели. Только на словах можно прожить без любви.

– Завтра у нас суд.

– Разводитесь. Вместе вы все равно не будете. Ваша жена вскоре выйдет замуж.

– А я?

– А вы будете ее любить и встречаться с другими женщинами. Станете писать стихи, выкладывать их в сети, просыпаться от мысли, что она рядом, и засыпать, понимая, что ее нет. Но однажды все пройдет. И вы поймете, что такое настоящая пустота.

Он шумно выдохнул и... заплакал.

Ну, не могу я врать, не могу! И не могу заставить человека жить так, как он не хочет.

Мужчина плакал, как плачут все мужчины, – жалко и

некрасиво. Мне было его жаль. Но как раз тот случай, когда ищешь радость в слове «никогда».

– Что мне делать?

Через десять минут тот же вопрос повторила барышня с подведенными глазами. Черные веки, черный рот и полосатые гетры – белое с черным. На ногах – разбухшие от питерских дождей кроссовки с черными ленточками. Я умилилась этим траурным бантикам.

Девочка влюблена и несчастна.

— Он прислал мне письмо, – черные ресницы шевелились, как лапки паука. – И в нем была...

— Точка.

— Откуда вы знаете?

— Я все знаю.

— Все знать невозможно, – авторитетно заявила она.

Похоже, девочка тоже воспринимала меня как психоаналитика не больше, не меньше.

— Вы только ничего сейчас не говорите, ладно? Сама все скажу. Что-то странное происходит. Копаюсь в себе, но чем дальше, тем хуже становится. Почему так? Не могу спать, не могу есть. Мне дышать трудно! Все время думаю, почему он так сделал? Зачем? Почему нельзя сказать, что я ему надоела, что он устал, что мы не подходим друг другу? Что он хотел сказать этой точкой, ведь она... Она же... многоточие? Правда? И мы все равно будем вместе? Пусть не сейчас, пусть пройдет время, мы станем взрослее, мудрее, и однажды он напишет мне большое письмо, а потом позвонит. И мы будем счастливы.

– От меня-то что хочешь?

– Услышать, что я права. Я плачу такие деньги. Должен быть хороший результат.

– Такой, какой нужен тебе?

Траурные бантики дрогнули. Под кроссовками расплывалось мокрое пятно.

— Что мне делать?

Ее душа – шерстка котенка – пахла молоком, домом и солнцем. Я слегка подула: шерстинки тут же встали дыбом. Шаг за шагом – вот и вся немудреная история. Встретила. Влюбилась.

Подчинилась. Страдает. На левой руке косые полосы от бритвы. Демонстрация самоубийства. Но, с другой стороны, почему бы и не пострадать в семнадцать лет?! Потом здоровее будет.

А будет ли, спохватилась я.

Кис-кис... Она доверчиво пошла навстречу, раскрывшись. Год, два, три, четыре... Я листала ее судьбу, как записную книжку. Телефоны, адреса, встречи, расставания. Студентка. Стажер. Молодой специалист. Холеная стерва, знающая себе цену. Все безупречно, все подогнано, ни одной эмоции. Карьера, командировки в ущерб личной жизни.

Но кому сдалась эта личная жизнь? Кому от нее лучше? Тебе? Подчиняясь мужчине, ты уничтожаешь себя.

— Мы будем вместе?

— Нет.

Она кивнула. Результат совсем другой, чем ожидалось, но результат. Хорошая девочка.

— Но вы можете мне сказать, почему он прислал мне эту дурацкую точку? Что он хотел сказать? Это очень важно.

Соврать, что ли? Да и зачем ей правда? Подрастет – сама все поймет. А пока...

— Он написал тебе письмо. Из одного большого предложения. Очень длинного и красивого. Он сказал, что ты самая лучшая, самая настоящая, и что ему повезло, когда он встретил тебя, но ты заслуживаешь лучшего, и он хочет отпустить тебя, чтобы ты была свободной. Он просил тебя не звонить ему, не встречаться. И вообще, он уехал – далеко-далеко, в Австралию. А когда отправил письмо, произошел сбой, вирус, и текст не сохранился. Понимаешь?

— Ага...

Ну и как ей скажешь, что написал он совсем другое – язвительное, злое и убивающее, но в последний момент струсил и оставил всего лишь маленькую и незаметную точку.

Я закрыла глаза и представила ее стервой. С красным бликом на губах и холодными глазами. Когда женщина знает себе цену, у нее есть шанс выжить, сохранив себя. И если даже она не родит детей, не построит дом и не посадит дерево, она останется собой. Если вдуматься, не так уж мало.

Остаешься за главного, – Марга благоухала парфюмом и планами на вечер. – В девять придет клиентка. Там простенькая проблема. Управишься за полчаса. Возьмешь с нее деньги, пробьешь чек и поставишь офис на сигнализацию. Потом спи-отдыхай. Поняла? Ну, и славно. Мы все ушли.

Ушли. Тишина. Теплый свет. Кожаный диван. До девяти – еще сорок минут. Мышцы гудели. На хребтине выросла «горбушка» – головы не повернуть. На сколько меня хватит?

Знакомая мелодия. Дима. Успел соскучиться?

– Я звонил тебе, – голос тусклый, с налетом ночных рефлексий. – Тебя нет дома.

– Я на работе.

– Можно, встречу тебя? И мы поедем к тебе.

– Нельзя.

– Ты из-за той женщины? Она для меня ничего не значит.

А ведь не врет – действительно не значит. Смутное имя в веренице лет. Если спустя годы помнишь вкус поцелуя, никогда не забудешь того, кто тебе его подарил. Но бывает и так, что вкус поцелуя стирается через несколько секунд. Что-то было? Что-то было.

Диме суждено помнить меня. Мне – его забыть.

– Деловые отношения. Секс на бизнесе. Ты — совсем другое. Я понял, что не могу без тебя.

– У нас большая разница в возрасте.

– К черту разницу! – (И я поняла, как ему плохо сейчас). – Хочу видеть тебя! Сегодня! Сейчас!

– Завтра! Во второй половине дня. Я позвоню тебе.

Он принял отказ-обещание – повесил трубку.

Марга до сих пор пребывает в убеждении: более всех на свете я ненавижу Аллу. Да и как иначе относиться к женщине, занявшей твое место? Но что есть ненависть? Ненависть - как матрешка. Со временем дерево потрескается, лак сотрется. И что останется? Только несколько фигурок, выстроенных по рангу. Возьмешь в руки самую маленькую, покатаешь меж пальцами и... выбросишь за ненадобностью. Или сама затеряется.

Сильнее ненависти — только забвение. Сильнее любви – равнодушие. Равнодушие – лучшая месть. Действует без побочных

эффектов, убивает сразу.

Мы с Аллой росли вместе.

Квартиры на одной лестничной площадке – дверь в дверь.

В школе нас принимали за сестер.

— Знаешь, - сказала как-то Алка. - Мне почти двенадцать, а я ни разу не целовалась. Перед людьми стыдно.

Ее губы пахли малиновым вареньем.

— Ничего особенного, - Алла вытерла рот рукавом. - Слюняво и глупо. Думаю, секс намного лучше.

Я обиделась. И ушла. В тот же вечер у меня разболелся живот, и мама повезла в больницу.

...Когда после недельного отсутствия я вернулась в школу, то обнаружила, что Алла сидит за другой партой. И друзья у нее - не я. При встрече она отводила глаза, делая вид, что мы незнакомы. Я очень мучилась. Оттого, что могла ее чем-то обидеть. Делала попытки к примирению – куколки, смешные открытки, календарики. Подарки она принимала. На контакт не шла. И я смирилась – отошла в сторону. Насильно мил не будешь.

Будьте осторожны, встречаясь со своим прошлым. Нельзя войти в одну реку дважды? Можно. Вот только течение реки может смыть все, чем вы так дорожите.

Я нарушила заповедь. Я приветливо распахнула двери, встречая прошлое. Расцеловалась с ним, как с лучшим другом, вернувшимся из далекого путешествия.

Мы столкнулись случайно. Смешно признаться, в женском туалете. У вытянутых зеркал. Мы синхронно достали расчески и провели по волосам, вглядываясь в отражение.

— Кассандра?

— Алла?

Сколько лет, сколько зим! Что еще говорят в таких случаях? Замужем? Дети? Работа? Что нового? Будто прекрасно осведомлен, что было старого.

Что еще делают в таких случаях? Берут по чашке кофе в ближайшем кафе

— Замужем?

— Конечно! У меня отличный муж и прекрасная дочь!

И кто тянул за язык!

– Не думала, что ты выйдешь замуж.

– Почему?

– Ты всегда была не от мира сего. Слегка не в себе.

– Все мы меняемся. А что у тебя?

— Разведена. Временно безработная. Снимаю квартиру. – произнесла спокойно, словно часами репетировала перед зеркалом.

— А дети?

— У меня не может быть детей.

Мне вдруг стало нехорошо. Дар, спавший годы и годы, пока мы с Олегом были вместе, вдруг зашевелился, пробуждаясь от летаргии. В висках – молоточки: сначала еле слышно, но с каждым ее словом убыстряя тревожный ритм. Осторожно, тук-тук, будь осторожна, тук-тук!

Дар крутил внутренности, спазм за спазмом. И я не выдержала мучительной боли. Без всякого желания, скорее, по необходимости, заглянула в чужое «я». Тут же вынырнула, захлебываясь. Вязкая холодная чернота. Мазут. Тяжелый. Заполняющий легкие, забивающий глаза.

— Что с тобой? — Алла пила кофе, отставив мизинец. Ее всегда упрекали за эту манерность. Напрасно. Врожденный дефект. Деформация пальца. Недостаток, превращенный в достоинство. – Ты опять не в себе. То бледнеешь, то краснеешь. До климакса нам еще далеко.

— Душно сегодня. Тяжело переношу жару. Голова закружилась.

Она немигающее смотрела. Словно фиксировала каждую деталь в моем образе. И этот образ Алле не нравился. Более того! Раздражал.

– Лечиться тебе надо.

– Я здорова. Погода...

– В этом городе иначе не бывает. Ошибочно полагаешь, что живешь, но оказывается, что ты давно уже мертв. Мне пора, — она грациозно поднялась из-за пластмассового столика. Бросила купюру. — Я тебе позвоню.

— Сегодня встретила школьную подругу.

— У тебя есть подруги? Не знал. Хорошенькая?

— Ухоженная.

- Замужем?
- Похоже, нет.
- Когда познакомишь?

- У тебя интересный муж. Изменяет?
- Нет, конечно.
- Почему «конечно»? Мой, к примеру, изменял, хотя и не был столь интересен. По сравнению с моим бывшим, твой – Аполлон Бельведерский. Только живой и теплый.

— Просто мужчина, – ляпнула я.

— Оригинальный ответ! Ну, и как он в постели? Хорош? Ладно, не отвечай. Покраснела-то! Значит, хорош. Мужья редко хороши в постели. Береги своего, а то вдруг найдутся желающие прибрать к рукам такое сокровище.

Она рассмеялась. Хрипотца пикантная. Такая... французская. И потому игривая. Но в меру. Алла всегда и во всем знала меру.

Мы сидели на кухне, чаевничали.

— И дочка твоя мне понравилась. Забавная девчушка. Сразу и не скажешь, что от тебя. Вы совершенно не похожи. Больше твою маму напоминает. Кстати, как мама?

– Процветает.

– И в твои дела не влезает? Да ты счастливица! Повезло. — Она прислушалась к голосам Олега и Ляльки. – Но это ведь промежуточный этап, не так ли? А главное, знаешь, что?

– Что?

– Главное, конечный результат.

Захотелось сделать ей больно:

— Почему ты разошлась со своим мужем? Измены?

— Из-за измен глупо расходиться. Даже если он не ложится с кем-то в постель, все равно думает о том, как тебе изменить. Занимается с тобой любовью, а сам блондинку представляет. Или брюнетку. Или рыжую. Да хоть лысую, мне-то какая разница?! Просто он перестал приносить мне радость.

Наверно, я выглядела глупо.

— Ты выглядишь глупо. Повторяю для особо одаренных: с мужем мы развелись потому, что он перестал приносить мне радость. С ним я поправилась на десять килограммов и подурнела. То, как женщина выглядит, в основном зависит от мужчины, с

которым она живет. Неужели не знала?

В сравнении с ней я была наивной дурочкой.

— В школе тебя называли провидицей. Говорили, что можешь предсказать будущее. А мне — можешь?

Протянула ладонь. Паутинка линий.

Я увидела линию брака, и стало не по себе.

— Извини. Когда пророчица становится женщиной, она теряет силу. Такое поверье. После замужества я ничего не могу. В смысле, гадать не могу.

Она с минуту изучала мое лицо. Губы кривились.

— Нашла, чему верить, — сказала, наконец. — Придумала себе сказку. Вот не думала, что люди со временем могут остаться прежними. Ты еще в детстве была глупой коровой. Коровой и осталась.

Звуки вдруг стали четче, запахи — яснее, чувства — обостреннее. И хоть на кухне полумрак, глаза ломило от яркого света. По горлу прокатился клубок забытых пророчеств. Трудно дышать.

— И к тому же совершенно не умела целоваться, — добавила она.

Меня трясло от холода. Собрала грязную посуду, включила горячую воду и подставила ледяные ладони. От раковины шел пар.

Алла сидела в моем доме, как в своем. И мой муж ей понравился, и дочь. И даже кухня.

...Олег вызвался ее проводить.

— Забавная у тебя подруга, — сказал по возвращении. — Грецкий орех. Расколоть можно, но только дверью или щипцами.

— А я кто тогда?

— Ты? Брелок на связке ключей. Даже не видя, найдешь.

Ревность и обида. Олег никогда не говорил со мной столь холодно и равнодушно.

— Я — спать. Идешь?

Сослалась на грязную посуду. А когда Олег заснул, устроилась в комнате Ляльки.

И только под утро, скользя по острой грани сна, вдруг поняла, что меня испугало. Алле так понравилась моя жизнь, что она решила ее позаимствовать. На время. Может быть, и навсегда. Как карты лягут.

ЧЕТВЕРТЫЙ

Дзинь!

Ого! Час прошел, как не было!

Да кто ж там так рвется?

На пороге - сумеречная фигура.

— Входите, открыто!

Дождь и ветер. Ветер и снег. Снег и дождь.

Гостья встряхнула черный зонтик, рассыпав брызги по всей приемной.

— Добрый вечер! Отвратительная погода!

Я заметила, что стою босиком. Туфли валялись у диванчика. Почему-то стало стыдно. Не за себя, а за собственную обувь — растоптанную, со скошенным левым каблуком.

— Не узнали?

Акварельные очертания. В это время суток я слепну. Прищурилась.

По-своему она даже красива. Алый припухший рот. Породистый нос. Восточные скулы. Черные очки. В дождь?

Размытое воспоминание.

— Я подвозила вас утром. Инга. Помните?

— Конечно, - как давно было это утро. — Чай, кофе?

— У меня есть кое-что получше.

Ого! «Martel V.S.O.P.». Широко живет Инга!

— Годится? Бокалы у вас есть? А тарелки? — Двигалась легко, танцуя. Ни грамма жира, пружиниста, словно дикая кошка. Непредсказуема. Опасна.

Инга, да? Ей удивительным образом не шло имя. Чужеродное, неправильное. Словно она взяла первое попавшееся.

— Где ваш кабинет? Ведите.

Все чудесатее и чудесатее, как говаривала Алиса.

Во дворе — неприметная машина. Фары погашены. В салоне темно. Только красный огонек подрагивает. Утром меня подвозили на другой. Что ж, расчет правильный: в эту я бы не села по доброй воле. Слишком она... *неприметная*. Наши люди в булочную на таких машинах не ездят.

Инга расставила тарелки, разложила закуску. Сыр, ветчина — тонко порезаны. Маслины, маринованные огурчики. Салаты и

красная икра в тарталетках. И не скажешь, что кризис в мире. Хотя кризис – как сумасшествие – в голове. Поражает не всех. А тех, кто к нему предрасположен.

Я кивнула в сторону бара:

– Бокалы. Выбирайте любые.

– Клиентам наливаете?

Я пожала плечами. Еще кто кого сейчас спаивает!

– Закон не запрещает. Каждый смотрит на мир сквозь призму чего-то. У каждой профессии свои радости.

Она мгновенно выдала записную остроту:

– Например, гинеколог.

– Я вообще-то про художника подумала. Или писателя. Многие, когда работают, выпивают. Алкоголь обостряет восприятие. А гинеколог – профессия техническая. Здесь не восприятие важно, а опыт. Вам никогда не ставили внутриматочную спираль?

– Почему вы спрашиваете?

– Значит, нет. Иначе бы поняли, о чем я.

Из разнокалиберной посуды она безошибочно выбрала два бокала для коньяка. Ну-ну... В принципе, это мог бы сделать любой человек, который ценит не только напиток, но и антураж. Вот только налила она ровно столько, сколько бы налил профессиональный сомелье. И бутылку держала, как профессионал.

— За знакомство.

— Вы по записи?

— Опоздала, каюсь, — Инга удобно расположилась в кресле напротив, поджав ноги. На длинных безукоризненных пальчиках, сквозь тонкий шелк просвечивал безукоризненный педикюр. Цвет раздавленной винной ягоды.

Она пригубила «мартель».

— Хотела завтра прийти, а потом подумала, зачем ждать? Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Мой главный принцип. А ваш?

— Не быть.

— Неплохо, — на лоскуток сыра положила прозрачный ломтик красной рыбки, аккуратно скатала сыр в рулончик. Надкусила. – Рекомендую. Очень вкусно. Вы ведь ничего сегодня не ели? Клиент за клиентом. Пить на пустой желудок очень вредно. Быстро пьянеешь.

Какая глубокая сентенция!

Ладно, раз так получилось – поиграем. Теперь мой ход. Для начала что-нибудь простенькое и пошленькое.

— Жить тоже вредно. От этого умирают.

— Сентенция в духе оптимиста. Вы оптимистка?

— Оптимист – тот же пессимист, просто не любит портить настроение окружающим.

Она рассмеялась. Ей было весело.

— Снимите очки.

— Зачем?

— Не люблю.

— Хорошо. Хотя мне больно. Сделала операцию, на свету больно.

– Все же снимите. Очки как маска – скрывают суть.

И этот жест у нее получился красивым.

Наши взгляды скрестились. Инга выжидающе смотрела, словно ставила любопытный эксперимент. И словно результат эксперимента ей заранее известен.

Про операцию она, конечно, соврала. Нет, все правильно. Коррекцию зрения лучше всего делать в декабре, когда световой день короток. Вот только со зрением у нее все в полном порядке. Единица.

Темный, чуть вытянутый зрачок накрыла линза, изменив цвет радужки с природного светло-голубого на искусственный темно-зеленый. Но не в линзе дело. Линза чуть-чуть искажает картинку, сдвигает события на день-два, но на истинной сути будущих событий не влияет.

Здесь же была преграда иного рода.

Инга снова улыбнулась.

Мне дан ключ, но он совершенно не подходит к замку. Закрытая система. Без щелок и просветов. Даже не постучаться. Такое в своей практике я встречала только раз. Давно это было. Сама не знаю, зачем, рискнула и опалила дар, пробившись к ложной цели. Время ушло. Человек погиб.

Вот уж не думала, что ситуация повторится. *С ними* я работать зареклась.

Инга насмешливо наблюдала за мной. В машине поблескивал огонек. Зареклась, значит? Куда ты теперь денешься, Кассандра?

Их никогда не зовут. *Они* сами приходят. И забирают то, что

хотят.

Во что я вляпалась на сей раз? Зачем я *им*?

– Выпейте, Кассандра, – понимающе сказала Инга или как там ее зовут. – Ночь будет долгой. Нам есть о чем поговорить.

Их истинная суть всегда скрыта, скомкана и смята. Нападение стремительно. Немудрено, что и теперь ошиблась. Сама впустила Троянского коня, о котором и пророчествовала. Теперь поздно. Надо выгадывать время, разрывая липкую паутину страха. А после бежать без оглядки. Думай, Кассандра, думай.

Что *им* от тебя нужно?

Почувствовала ли Инга перемену в моем настроении? Возможно. По *ним* никогда не поймешь. Будто смотришь в потрескавшееся зеркало, и в каждом осколке – искаженный мир. Можно до бесконечности блуждать по этим мирам.

Их всегда тщательно отбирают. А потом долго и мучительно дрессируют, лишая собственного «я». Тот человек сам был рад, когда я его... Он даже попросил об этом, а после помчался, нагоняя беглое пророчество, стараясь искупить собственные грехи. Да только не успел. Опоздал на какие-то сотые доли. Я до сих пор помню, как он давился слезами на нашей кухне. И не было ничего страшнее этого перемолотого системой мужского горя. Мужчина, потерявший любимую женщину и еще не рожденного ребенка.

Бывает так: что предсказано на десятки лет вперед, исполняется сегодня. И никто не скажет, почему это происходит. И почему именно с тобой. Почему отложенное возмездие настигает именно сейчас, вот в эту конкретную минуту?! И я не могу.

Случайность ли то, что *они* появились в первый же день моей работы? И знает ли о том Марга? Меня заколотило: а если эту встречу она и подстроила?

Нет, не могла. Или могла.

Сослаться на головную боль? На похмелье? Встать и уйти?

Бегство – слишком просто. И вполне предсказуемо. Во дворе — машина. В машине — люди. Не хочешь по-хорошему, будет так, как мы скажем. Все поняла?

Все поняла.

А раз поняла, сиди и не рыпайся. Сделаешь все, как мы скажем.

Они не верят в отговорки. *Они* верят лишь в силу собственной власти. В свою непогрешимость. В избранность. *Они* – новая,

чистая раса. Чистая не по крови, а по инстинктам. Странная вера, замешанная на фанатизме, страхе и жестокости. *Они* признают только свои возможности. Единожды попав в *их* сеть, уже не выберешься. Разве что *они* сами не перережут путы.

А стоит ли сопротивляться? Как там советуют: расслабиться и получить удовольствие. От собственной несвободы. И от предопределенности.

Кого я обманываю, черт подери?! Я знала, что *они* придут. Я только не знала, что это случится сегодня.

– Пейте, пейте, – вальяжно сказала Инга или как ее там. – Не хватит, еще подвезут.

Ну, не тяни же! Говори, что *вам* от меня надо!

– Давайте я вам налью!

Меня вдруг разозлила эта уверенность: покажи пьянчужке бутылку, и она вся твоя. Куда поманишь, туда и пойдет. Ошибочка, господи! У пьянчужек свое понимание имеется, своя гордость. Улыбайтесь, это раздражает.

– Предложили – наливайте, – милостиво разрешила я. – Вы и вкусы мои изучили. Хорошая работа, Инга.

Она нахмурилась. Лишь на секунду. Стоит ли опасаться такой, как я? Плевое задание. Стратегическая ошибка – недооценить противника. Там, где видна слабость, скрывается сила. Там, где видна сила, скрывается слабость. Неужели вас этому не учили, Инга, или как тебя там? Или ты забыла?

Я коснулась ее руки. Жест, исполненный фальшивой искренности. Еще одно обманное движение в моей непутевой жизни.

Ну? Ну же, посмотри на меня!

Повинуясь мысленному приказу, тщательно прокрашенные ресницы дрогнули. Нашлась точка в основании большого пальца, легкий нажим.

– Дураки те, кто сразу клитор ищут. И эту, как там ее, точку G. С места в карьер. Любой из вас прелюдия нужна. Прелюдия – доказательство любви.

– А секс?

– Секс есть секс. Вот смотри, беру твою руку, пальчики неторопливо массирую, запястья касаюсь. Что чувствуешь?

– Приятное тепло.

– А так?

– Возбуждение.

– Продолжаем.

Продолжаем!

Горячий румянец волной прошелся по ее лицу. Подушечками пальцев я погладила нежную кожу – призывно, надавливая на чувствительные точки. О, есть! Процесс пошел. Всему *вас* учили. Да, видно, мало. Вон как растерялась, когда ситуация внезапно вышла из-под контроля. Да, вы особые люди, но люди же! И ничто человеческое вам не чуждо. Просто проявляется оно в особой – извращенной – форме.

Нравится?

Она попыталась отстраниться. Не тут-то было! Я цепко держала изящную лапку с ухоженными коготками. Всей птичке пропасть...

В глаза смотри, сука!

Есть! За сотую долю мне удалось проскользнуть в едва заметную щелку ее сути. И как только углядела!

Инга дернулась, закрываясь, огораживаясь. Но опоздала.

Влажный пружинистый мох. Впереди – затейливая паутина, сплетенье имен, судеб и событий. Я крепко уцепилась за тонкие нити, не боясь их порвать. Они прочнее стали. Можно и порезаться. Осторожно - шажок за шажочком - в кромешной темноте, навстречу тусклому свечению.

В уголке рта стало солоно и горячо. Где-то там, по ту сторону душ, слизнула струйку крови. Инга что есть сил извивалась, стараясь освободиться от насильственного вторжения.

Жухлый свет. Я окунулась в мрачный и ядовитый поток. Фу!..

Снова вечность, сквозь которую пронеслась вся ее жизнь, такая жалкая и страшная. Как на доске почета: этапы большого пути, при ближайшем рассмотрении, мизерные.

Вынырнула, отплевываясь. Еще раз фу!

— Теперь можно и выпить. За вас, Инга. Ведь вас действительно так зовут? Немецкие предки по отцовской линии. Характер холодный, нордический.

Она залпом выпила коньяк и провела ладонью по вспотевшему лбу.

— *Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах.* Теперь я понимаю, почему. Послушайте, это же больно!

— Что именно? – осведомилась я. На смену страху пришла холодная ярость. Со мной редко случается. Но когда накатывает, лучше отойти в сторонку и не мешать – пойду по трупам.

– Так от чего вам больно? – повторила я.

— То, что вы делаете!

— До сих пор никто не жаловался, — унимая дрожь ненависти, я сделала сырно-рыбный конвертик. С утра и впрямь ни крошки во рту. – Не надо сопротивляться, Инга, и тогда все будет хорошо. Насилие всегда рождает боль. Но вы сами его спровоцировали.

Инга помолчала. Потом:

– Мы вас недооценили, Кассандра. Признаю. Видимо, в психологический портрет вкралась ошибка. Мне бы следовало догадаться еще утром. Стереотипы – сильная вещь. Черт, как голова болит! Вы у меня в мозгах случайно не перфоратором поработали?

– Случайно — нет. Потерпите, скоро станет легче. Фантомная боль. Выпейте коньячку, алкоголь снимает напряжение.

– Издеваетесь. Это хорошо, что издеваетесь. Значит, уже не боитесь.

– Опять ошиблись. Боюсь.

– Страх у вас какой-то неправильный. И вы равнодушны к алкоголю. Нет, не так. У вас нет тяги выпить.

– А вы полагали, что я законченная алкоголичка. Догадываюсь, какой мой психологический портрет вам составили. Ваша ошибка, Инга, что вы не допускаете – человек может измениться.

– Почему же? Попав в иную среду, он изменится. Огурец в соленой воде, хочет он того или нет, станет соленым. Но вы-то среду обитания не меняли. Вас по-прежнему окружают те же люди.

– То есть человеческую волю, желание измениться вы не признаете?

– В редких исключениях. Чтобы измениться, нужно работать над собой. Каждый день. Исследовать свою личность под микроскопом, не жалеть, не сочувствовать. А на это способны единицы. Чтобы изменить жизнь, для начала неплохо бы понять свою проблему.

– Давайте оставим тему. Каждый – при своем мнении. Скажите, а как это, когда я проникаю в будущее?

— словно сверло в голове, — она криво улыбнулась. —
Чувствую, что вы там, но поделаться ничего не могу.

А вот это в моей практике, пожалуй, впервые. Ну да что тут удивительного? Насилие рождает боль. Почувствовав сопротивление, я всегда отступала. Если человек не хочет, я не вправе вмешиваться в его судьбу. А сегодня пошла напролом, через чужое «не хочу», разрушая поставленные преграды. Наверное, ей действительно было больно. Но и мне не легче. Хорошо хоть, что руки перестали трястись. Взмокла как мышь. Во рту — словно наждаком прошлись. Глаза болят. Опять сосуды лопнули.

Инге тоже несладко. Под глазами чернильные тени. Или игра света?

Ну, и каков результат? Да никакого! Сидим друг напротив друга, высунув языки от испуга и напряжения. В гляделки играем. Кто кого. Покамест, похоже, что я ее. Да, теряет дамочка контроль над ситуацией, теряет.

Узнавая тайну, ты сам становишься ее частью...

Черт бы побрал и меня, и собеседницу с ее опасными тайнами, которые впитал мой разум. В голове — губка, разбухшая от чужой боли, неприятностей и растерянности. Теперь я знала, чего и кого боялась Инга, но не представляла, что со всем этим делать.

— И что вы во мне такого особенного разглядели, Кассандра?

— Прекрасный сыр. И рыбка отличная. Не возражаете, я еще салатиком закушу?

— Кассандра!

— Простите?

Я ее раздражала. Сознательно. И она повелась на раздражение. В ней боролись недоверчивость и страх. Страх, к моему удовольствию, побеждал. Видимо, не все дается дрессировкой. Что-то *от них* ускользнуло. И система дала сбой. Система всегда дает сбой. Винтик-то оказался бракованный. Пусть и красивый.

— Так что вы во мне разглядели? — спросила она в третий раз.

Снова ошибка. Лишние вопросы — преимущество для противника. Есть ситуации, когда надо остановиться и переждать. А еще лучше — промолчать.

— Что я разглядела в вашем будущем? Значит, верите в мои

способности!

– Не валяйте дурака!

– Верите. Забавно. Ведь вы считали меня шарлатанкой. Но как только речь зашла о вас, изменили мнение. Вам так хочется знать свое будущее?

– Каждому хочется.

– При условии, что оно будет счастливым. А если нет?

– Тогда вас называют шарлатанкой.

– Верно! Вы, наверное, думаете, что ваша судьба – исключение. И она резко отличается от судеб других людей. Ирония в том... М-м, какой замечательный коньяк! Ирония, Инга, в том, что все мы живем по одному и тому же стандартному шаблону. Ваш шаблон тоже стандартный. Детство. Отрочество. Юность. Интересно, как вы *к ним* попали? Случайно?

В ответ – улыбка-воспоминание.

– Если случай – это закономерность, то тогда перемены в вашей судьбе были закономерными. Или случайными. Как угодно. При всей парадоксальности смысл не меняется. Вам хочется, чтобы вас любили. Сами любить вы не способны. Принимаете любовь за слабость, как и чувство привязанности. Для вашей работы – большой плюс. Для окружающих – минус. Вам боятся доверять. И на то есть причины.

Что я еще увидела?

— Неуверенность. Боль. Необходимость принять некое очень трудное решение. Время поджимает, но вы пребываете в растерянности (весьма нехарактерной для вас). Как поступить? И тянете с ответом. Не потому, что вам страшно, а потому, что вы знаете – от этого конкретного решения зависит вся дальнейшая жизнь. Не так ли? Сказать, о чем идет речь? Или не станем упоминать всуе из опасения, что нас слушают. Нас ведь слушают?

Она хорошо держала удар:

— И это ваше пророчество? – презрительная гримаска. – За это я должна заплатить деньги? От визита к психотерапевту больше толку. Трудное решение, непростые времена? У кого их не бывает! Вы могли понять мое состояние по невербальным жестам. Для этого не нужно обладать мифическим даром предсказательницы. Будете удивлены, Кассандра, но моя нынешняя жизнь на удивление упорядочена, в ней нет никаких спонтанных событий или решений. Терпеть не могу импровизации, исключая все, что может к ним

провести. Мое прошлое – пусть и не очень счастливое, зато оно мне дало невероятные возможности для карьерного роста. Мне очень повезло. Что же касается настоящего – оно гармонично.

— Я говорю о будущем. — Я смотрела на живот Инги. - Прошлое для меня обычно закрыто. Редко вижу его, только если очень захочу. Прошлое — как черно-белый телевизор, в нем только один – официальный – канал, но всегда помехи.

— А будущее, значит, в цветных картинках? Голливуд в мозгах?

— Голливуд? Можно и так сказать. Предсказатели видят будущее по-разному. Кто-то умеет разгадывать символические образы, возникающие во снах. Кто-то слушает кристаллы... Я вижу будущее в виде движущихся картинок. Но это не фильм, как вы думаете, а скорее целлулоидная заготовка. Что вижу – о том говорю. И жанры разные.

– Без кассовых сборов?

– Почему же? Мне платят за работу.

– Я полагала, что за предсказания нельзя брать денег.

– В сущности, копаться в будущем тоже нельзя. Рискуешь его нарушить. Но вы правы, иногда я не беру денег с клиента.

– В каких случаях?

– Когда знаю, что он умрет.

– Своеобразное сочувствие. Надеюсь, клиенты не догадываются. — Она коснулась бокалом моего. Тонкий звон. - Ваше преимущество, Кассандра, в том, что вам верят. Магический эффект плацебо... Итак, к вам приходит клиент. Допустим, я. Вы рассказываете мое будущее. Я вам верю. Если пришла к вам, то априори вам верю. Вы – хороший психолог. И произносите вслух то, что я хочу услышать. В какой-то момент мой мозг нажимает на нужную кнопку, программируя себя, и — оп! Пророчество исполнено. Самое забавное, что вы здесь как бы ни при чем. Я, ваш клиент, сама себя убедила, что моя жизнь будет развиваться так, как вы сказали. И она развивается. Как только происходят события, похожие на описанные вами, я верю еще больше. Теперь меня уже никто переубедит. Согласны?

— Наверное, — я подавила зевок.

Все-таки тяжелый она человек. Давит.

— Тогда, получается, истинный пророк не вы, а сам человек. А вы, Кассандра, рядовой манипулятор. Может быть, и шарлатан.

Берете деньги ни за что.

– От меня-то сейчас вы что хотите услышать? — Я зевнула уже откровенно, демонстративно.

Назвав меня Кассандрой, мама пошутила. На тот момент эта затея показалось ей довольно веселой.

Если вдуматься, то пророк действительно никому не нужен. Лишняя фигура на шахматной доске судьбы. Мешает, путается под ногами, дает не всегда нужные и не всегда уместные советы.

Люди сами справятся. Не надо им мешать.

Нет пророка в своем отечестве. Помнится, мы с Олегом спорили.

– Не веришь?

– Не верю. И даже ты, Каська, не смогла меня убедить в том, что будущее можно предсказать. Вроде факты до мелочей совпадают, события происходят в той последовательности, как ты предсказывала, а потом жизнь делает кульбит и выдает прямо противоположный результат.

– С тобой у меня ничего не получается, – честно призналась я. – И с Лялькой тоже. Вижу вас, как и других, а прогнозы делаю ошибочные. С искажением. Всего лишь на градус сбиваюсь, но последствия едва ли не катастрофические. Помнишь, как в девяносто восьмом я тебе сделку века предсказала?

– Такое не забудешь!

– До сих пор не понимаю, где я так ошиблась. Ведь видела, что прибыль будет. И деньги эти видела.

– Прибыль была, – покладисто согласился Олег. – И деньги тоже. Но намного позже. В своем прогнозе ты ошиблась года на три. Чуть по миру нас не пустила. Да что там теперь! Какой смысл старое ворошить? Быльем поросло. Но с тех пор я тебе, Каська, не верю. Полагаюсь исключительно на собственную интуицию.

Нашел, чем удивить. Мне многие не верят. Но от недоверия мужа особенно больно и обидно. Только самые близкие люди причиняют нам самую сильную боль. Еще один трюизм, но от этого не легче.

Я вспомнила, как он пришел в первый день сентября – бледный и злой. Тогда уже было ясно, что дефолт – не очередная придумка нашего правительства для того, чтобы слегка развлечь

разжиревший народ, а самая натуральная экономическая катастрофа. «Благодаря твоему прогнозу, мы потеряли все, – сказал Олег. – Спасибо тебе большое. Чтоб я еще раз в жизни послушал сумасшедшую бабу! И не поступил наоборот!».

Сумасшедшая баба, вот, кто я есть. В своих прогнозах я ошиблась всего лишь на час... Час, который кардинально изменил всю мою жизнь и навсегда убил доверие Олега ко мне.

Спустя несколько лет он вдруг спросил:

– А ты бы хотела? Стать официальным пророком? Как Ванга?
Я поежилась.

– У меня – другая роль.

– Как же я забыл! Твоя роль – быть сожранной собаками. А жаль, я мог бы тебе помочь.

– В чем?

– Стать неприкасаемой. Когда-нибудь *они* придут за тобой. И что ты будешь делать?

– А что делают люди в таких случаях? Либо соглашаются, либо отказываются.

– А ты согласишься или откажешься?

Я заглянула в свое будущее.

– Соглашусь.

– Жаль.

– Почему?

– Из тебя мог бы получиться замечательный медиа-продукт. Но ты не хочешь. Ты хочешь быть перемолотой жерновами власти. Этой Ванге до тебя семь лет говном плыть. Что она вообще понимает в пророчествах?

Он коснулся рукой моей щеки...

...И я очнулась.

Здесь и сейчас.

Напротив — Инга. На гладком лбу бисеринки пота. Речь торопливая, под стать моему беспокойному дыханию. Жесты тщательно отзеркаливает, стараясь войти в доверие.

Вот только не поведусь я на эти манипуляции. Что-то от меня нужно? Тогда убеди, что твое предложение интересно. Слишком часто я говорила «да», сегодня ради разнообразия — «нет».

По нашим лицам неслись неоновые тени рекламной вывески –

Салон Кассандры.

Инга подобралась и села в кресле: спина – черная струна:

– Вы правы, рамочная композиция здесь не нужна. Ни мне, ни вам.

– Тогда ближе к делу. Что вы от меня хотите?

– У вас в сумке лежит письмо. Прочтите его.

Хотела удивить? Что ж, получилось.

Я открыла сумку и достала белый конверт. Вытерла нож салфеткой, вскрыла. Несколько листков бумаги. Никакого обращения, предсмертной записки, любовного признания напоследок. Я ждала от Олега именно этого. «Я люблю тебя, Каська!» Было бы не так больно.

В конверте — список, известный каждому, кто пробует свои силы в оккультизме.

– Вам знаком текст? – Инга баюкала бокал с коньяком.

– Отчасти. Перевод, правда, оригинальный, такого не встречала. Слова очень тщательно подобраны, ритмика есть. Но, в общем и целом, стандартный набор: немного Нострадамуса, ацтеков, китайцев и намеков на Атлантиду. Ничего интересного.

– Они действуют, Кассандра. Пророчества действуют.

Сейчас скажет про Вангу, предсказавшую гибель Курска, восхождение Филиппа Киркорова на Олимп российской эстрады и третью мировую войну.

– Нет, вы не поняли... – Инга нервно потерла лоб. – Черт, как бы все толково объяснить?! Дурею я от коньяка.

– Вас же учат пить и не пьянеть.

– Я и не пьянею. Но свежесть мысли все равно теряется. Это... как смотреть сквозь запотевшие очки. Вы меня извините за наш предыдущий разговор. Неправильно я его построила. Давайте сделаем вид, что ничего не было?

– Давайте.

– Итак. Вы держите в руках набор общеизвестных пророчеств. Как трактовать то или иное – каждый решает сам. Тексты висят в свободном доступе в Интернете, публикуются в газетах и журналах. Есть несколько сайтов, посвященных гаданию, я потом вам дам ссылки на них, если потребуется. По отдельности они вообще не представляют интереса, а вот вместе... – она странно посмотрела, словно и сама не верила тому, что сейчас скажет, – вместе они работают.

– То есть исполняются?

– Да. И очень быстро.

Я вчиталась в текст.

Инга внимательно наблюдала.

– Ничего не замечаете?

Я похолодела:

– Речь о...

– Именно. Всемирный экономический кризис. Собственной персоной. «Я как услышал — сразу к вам!» Нет, если не знать, что он произошел, эту строчку можно трактовать как угодно. Сентябрь... год восьмой... Черный вторник. У нас сотни таких вторников было, и что теперь — каждую неделю показательно вешаться? А теперь обратите внимание на второй абзац. Догадываетесь, о чем речь?

– «Смерть по воздуху...» Пандемия. Вполне логично. Где кризис, там и гибель. Когда в 1919 мир выкосила «испанка», многие тоже вспомнили о предсказании майя. Да и о конце света у нас говорят с завидной регулярностью... Смерть по воздуху? Под это определение подходит любая инфекция, передающаяся воздушно-капельным путем! Грипп, скажем. «И весь народ познает жажду смерти». Пандемия, если не ошибаюсь, переводится с греческого, как «весь народ»?

– Не ошибаетесь.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, пытаюсь проникнуть в будущее. Но одно дело — узнать судьбу конкретного человека, и совсем другое — понять, что ожидает весь мир.

Калейдоскоп картинок. Бешенство цвета. Игра теней. Смазанные лица. Рты, открытые в крике. Взрывы. Выстрелы. Блаженная темнота.

– И что же нас ждет?

– Не знаю. Хотите детализации — обратитесь к Голливуду. Обычно их фильмы-прогнозы совпадают процентов на восемьдесят. Неплохой результат.

– А вам, значит, слабо?

– Мне — да.

– Плохо... Но вы можете хотя бы сказать, ложные эти пророчества или истинные?

– Чтобы стало ясно, истинное пророчество или ложное, оно должно либо сбыться, либо нет. Третьего не дано. Пока, вы сами

утверждаете, первое из них сбылось. Наступил экономический кризис, который пришел из страны, открытой испанцем. Хотя тут бы я поспорила, откуда этот самый кризис пришел. И пришел ли? Может, и нет его вовсе.

– Вы не экономист.

– И?

– Ваши рассуждения смешны.

– Возможно. Рассуждения отдельных экономистов также вызывают смех, тут я с ними на равных.

Беседа забуксовала. Который раз за вечер. Или уже ночь на дворе?

– Вы ведь знаете, по какому принципу строится веночек сонетов?

О! Мы решили поговорить о литературе?

– Финальная фраза – первая строка последующего сонета.

– Да. Четырнадцать сонетов составляют отдельное произведение. По отдельности они тоже хороши, но вместе воплощают одну идею. Здесь четырнадцать пророчеств. И последняя строка первого начинается второе. И так далее. Последняя строка четырнадцатого – первая строка начального. Прочитайте их как единое пророчество.

Свет мигнул. Белые листочки подрагивали от сквозняка.

– Прочтите, – приказала Инга.

– Они же сделаны в разное время, и у них нет общей идеи

– Действительно, сделаны в разное время. Ну, и что? Допустим, каждый последующий пророк брал пророчество своего предшественника, анализировал, осмыслял... Как там у вас это происходит... И дописывал к нему свое. Получилось ровно четырнадцать. Заметьте, самое последнее сделано Вангой.

– Притянуто за уши. Здесь есть пророчество, которое приписывают майя... Как вы себе представляете эволюцию прогноза? Тысячи лет тому назад майя предсказали конец света и оставили духовное завещание своим последователям с другого конца света? Или спустя тысячи лет явились Нострадамусу во сне? Нострадамус проснулся и тут же выдал свой вариант? Так?

– А что? Приснилась же Менделееву химическая таблица!

– Менделееву водка приснилась. Про таблицу он потом додумал! Не умножайте сущности, кроме необходимых. Вы тратите свое и мое время. Давайте на этом закончим разговор и разойдемся.

Спать хочу.

– Через девять дней ваш сон вообще может стать вечным. Как и мой. Речь идет о конце света, если вы не поняли!

Она сказала это так серьезно, что я рассмеялась. *Напужали бабу туфлями с высоким каблуком!* Конец Света...

– Вы готовы нам помочь? – прозвучало сухо, без улыбки, деловому.

Ответила в том же тоне:

– Как могу вам помочь? Расшифровать фальшивку? Предотвратить очередной Апокалипсис? Инга, я не пророк Мухаммед, не Исайя и даже не Брюс Уиллис.

– Вы – Кассандра!

– ...Которой хрестоматийно никто не верит. Я и свои видения толком не могу расшифровать, а вы мне чужие тексты предлагаете.

– Думаете, это шутка, да? Или очередная теория заговора? Это не шутка, Кассандра. Вы – последняя, к кому мы обратились. Других больше нет. Я говорю об *отмеченных*. Все, кто так или иначе сталкивается с этим венком, получает другой венок – похоронный. Они... умерли, Кассандра. И ваш бывший муж тоже умер. Осталось девять дней. И мы... Мы не знаем, что делать. Оно действует, и в каждом последующем случае мы не успеваем ничего сделать. Ключевые фигуры мрут, как мухи.

– Эту почетную участь, надо полагать, вы определили и мне, – усмехнулась я. – Логично. Одним *отмеченным* больше, одним меньше. Всего лишь расходный материал во имя благой цели.

– Цель действительно благая – спасти мир.

– Да ладно! Мир они хотят спасти! Плевать вам на мир, лишь бы собственной сытый мирок уцелел. Знаете, как все было? Произошло нечто, что вас сильно испугало. Вы проанализировали ситуацию, сопоставили детали, вышли на эти предсказания и... почему-то поверили, что на сей раз конец света и впрямь состоится. Жить хочется?

– Хочется... Поначалу все поднимали нас на смех, как и вы. Дескать, ерунда все. Фальшивка. А потом и их затягивало. В эту... как ее...

– Воронку пророчества. Вам и о ней известно?

– Подказали, – Инга достала блокнот, зашуршала страницами. – А, вот! Пророчество — как дерево. У него есть – ствол, то есть данные, которые не меняются. Некая

предопределенность, с которой начинается игра. От ствола произрастают ветки – истинные предсказания и ложные, их может быть несколько, может быть великое множество, не суть – все они сходятся в одной точке, образуя «крону». Эта «крона» и есть воронка... Пророчество само выбирает игроков или исполнителей. Те, кто вписан в него, уже не могут изменить ход своей судьбы. С того момента, как пророчество вступает в силу, все их поступки, все действия направлены на его исполнение. Но есть и дополнительные игроки, которых затягивает в воронку по воле обстоятельств. Они как бы оказываются на одной из веток. Если на ложной — есть шанс выбраться из передраги целым и невредимым. Если на ветке истинного предсказания – шансов нет. Вашего бывшего мужа затянуло именно в такую воронку. Из-за вас. Вы, Кассандра, исполнитель пророчества. Ваши коллеги, если, конечно, их так можно называть, говорили о вас с пиететом.

– Наверное, мне это должно льстить. Но я не тщеславна.

Про воронку Инга рассказала довольно точно. Кое-какие упущенные детали, но кто будет выдавать все свои профессиональные секреты? Значит, *они* действительно общались с *отмеченными*.

– Когда это было запущено?

– Точно не скажу. Ваши... коллеги не смогли объяснить, как это делается. Отрывки впервые появились девять и семь лет тому назад, но в законченном виде «венок» опубликован три года назад, на частном сайте, весьма примитивном, надо сказать. Но почему-то пользовался большой популярностью.

– Значит, девять, семь и три. Интересно...

– Это имеет какое-то значение?

– В жизни все имеет значение, – я вчиталась в ровные строчки. В висках стучало от усталости и напряжения. – Знаете, Инга, мои... коллеги к этому «венку» не имеют никакого отношения. Думаю, кто-то собрал самые известные предсказания, отредактировал их по своему вкусу и желанию, добавил новые детали, и запустил в народ. Прошло время, и люди поверили. Поверить в ложь просто – она ведь похожа на правду, только выглядит намного привлекательнее.

– Ваши коллеги так же говорили. Но если это придумано от начала до конца, почему предсказания сбываются?

– Потому, что им верят. Все, что непонятно и необъяснимо,

вызывает интерес. Интерес пробуждает желание. Желание – веру. Никогда не замечали отношения людей к астрологическим гороскопам? Кто-то пролистывает страничку, кто-то внимательно читает прогноз на день или на год, кто-то – верит. Так вот, у тех, кто верит астрологам, все описанные события сбываются до восьмидесяти процентов. Вы удивляетесь, что фальшивое предсказание исполняется. Значит, пророчества в этой фальшивке истинные.

– Парадокс.

– А хоть бы и так! Совершенно неважно, кто сплел этот венок, по каким причинам. Главное, что пророчество уже запущено в мир. И запущено, признаться, весьма грамотно. По всем канонам. Девять, семь и три. Магические цифры.

– Что в них магического?

– За девять лет пророчество пустило корни. За семь лет появились его ответвления. За последние три года — первые плоды. Воронка открыта.

Инга поежилась:

– Перспективы не радуют.

Я еще раз перечитала.

– Меня тоже. Через девять дней...

– Через девять дней ничего не будет. Вообще ничего.

А что, такой расклад меня вполне устраивал. Я устала жить и не против умереть. Тем более, в такой компании — неприятной, но многочисленной.

– Из четырнадцати сбылось пять предсказаний. И каждое последующее тянет за собой другое. Кто бы мог подумать, что Наргис – это не имя индийской актрисы, а тропический циклон? Свыше ста тысяч погибших и ущерб в четыре миллиарда долларов. А землетрясения в Китае, ураганы «Айк» и «Густав»?!

– Мелочи. С точки зрения Вселенной. Но знаете, Инга, что в этом «венке» самое опасное? В нем слишком много деталей.

– Поясните.

– Хорошо, вот вам для примера из Нострадамуса...

Я процитировала по памяти:

— *Пять, шесть, пятнадцать, поздно и рано засиживаются,
Наследник без конца: цитаты перевернуты (города
восстали),*

Глашатай мира пришел, и три оттуда возвращаются,

Открытый пять, поджигает, новые изыскания.

Набор слов, не так ли? Трактуются, как Бог на душу положит. Возможно, угадаете. Возможно, нет. Нострадамус играл словами, кидал фразы, не особо задумываясь о логических связках. Так поступают многие предсказатели. Толкователь же уцепится за понятное ему: города восстали, глашатай мира, наследник без конца. Он найдет подходящие кандидатуры или события — и привяжет к ним остальное. Понятно?

Инга неопределенно кивнула. Понятно, мол, но непонятно, при чем тут...

Ладно! Популярно объясняю для невежд:

— Но в нашем «венке» все иначе. Вы очень точно заметили, что в нем каждое слово на своем месте. Все продумано — стилистически и логически. Более того, невероятным образом увязано с остальными. В итоге получаем целостную картинку, состоящую из множества деталей. У этого «древа» очень много веток, и каждая обладает особой силой. Над текстом работали очень долго и скрупулезно, оттачивая каждое слово. Автор — человек творческий, прекрасный стилист, неплохой психолог и манипулятор.

— Нам от этого не легче. Вы лучше скажите, что делать-то?

— Варианта два. Первый — ничего не делать. Пусть все идет, как идет. Авось, и пронесет. Промчал же мимо нас астероид, не задело даже.

— Первый вариант не подходит. Вторым вариантом?

— Не верить.

— Синоним первого. Спрятаться под одеялом — и страшная бука сама уйдет. Тоже не годится.

— Тогда не обессудьте. Третьего не дано.

— Почему же! Могу предложить... Если бы вы только...

— Если только — что?

Я знала, что она сейчас скажет. Вот роли спасительницы человечества мне сейчас только не хватало!

— Если вы сами не измените ветку пророчества!

Ну вот, струна лопнула. Стало легче дышать. Самое главное сказано. Обратного хода нет. Я вдруг поняла, почему под Новый год все исполнители роли Деда Мороза, так быстро напиваются. Когда от тебя ждут чуда, а ты способен лишь водить вокруг елки хороводы, сложно не напиться.

– Я знаю, что это возможно, Кассандра! Если «отломить» ветку, то есть сознательно изменить ход событий, можно выиграть время! А потом убирать элементы, делая пророчества ложными! Если предсказание лживо в мелочах, оно и в главном потеряет свою силу. Я не прошу вас менять все! Понимаю, невозможно! Но вам под силу расшифровать отдельные эпизоды и...

Я усмехнулась.

– Изменить будущее? Шутка?

– Почему же?! Вы-то меняли его! И не раз. Не так ли?

На стол посыпались фотографии. Черно-белые. Цветные. Оказывается, я действительно популярна, и моя трудовая биография у отдельных граждан вызывает пристальный интерес. Самое время садиться за мемуары.

Верхний снимок. Мертвые глаза. Знакомые глаза. Уже не больно. Но очень обидно. За тот случай я расплатилась сполна. Но Инга права – были и другие.

– Мне напомнить, как это было?

– Не стоит. Тема для бульварной прессы. Или для палаты номер шесть. На ваш выбор. Будущее изменить невозможно.

Инга коснулась моей ладони. Руки у нее были горячими. Мои – ледяными.

– Давайте не будем играть в бирюльки – «верю–не верю». Я верю. Я знаю, что вы сделали для этих людей и знаю, чего на самом деле вам это стоило. Мы давно за вами наблюдаем. Вы способны творить чудеса, Кассандра. Вопреки всему. Самое сложное — жить и думать вопреки. Вы — умеете.

– Если так, вы знаете, чем закончилось мое вмешательство, – я кивнула на снимок мертвой женщины в ванне.

– Погрешность! Всего лишь один процент. Минимальная погрешность. В первый раз всегда так. Вы действовали по наитию, не зная возможных последствий. Но остальные-то живут! Живут и счастливы, благодаря вам!

Счастливы? Еще тот вопрос!

В моей жизни было две трагедии: когда мои желания не исполнялись и когда они исполнялись. Бернارد Шоу, столь любимый Олегом.

– Вы просите невозможного, – я отодвинула фотографии.

– Да какая вам разница? – тщательно взорвалась она. – Уже несколько часов вас уговариваю, а вы ломаетесь, словно

институтка, впервые увидевшая банан. Все равно через девять дней вы умрете. Почему не рискнуть и не сделать хоть что-то полезное?!

– Не хочу.

– Не хотите спасти человечество?

– Не хочу.

– Вам его не жалко?

– Жалко.

– Тогда почему?

– Не хочу.

Инга замолчала. Видимо, такой вариант *ими* не учитывался.

Я не играла и не набивала себе цену. Мне действительно было все равно. И холодно. Я снова мерзла, несмотря на центральное отопление и коньяк. Хотелось домой. Свернуться в себя под тонким одеялом и забыться.

Машина на улице без огней.

– Вы совсем не спите? – спросила я.

– А вы бы стали, зная, что скоро умрете?

– Если бы ждала ребенка, спала бы. Сутками. Не пила бы. Не курила. А в оставшееся от сна время гуляла бы в Ботаническом саду. С плиткой шоколада и любовным романом.

– Он все равно не родится. Если все пройдет благополучно, и мы останемся живы, будет аборт.

– Себе, значит, Инга, вы оставляете право на жизнь...

– Перестаньте, Кассандра! – Только сама женщина вправе решать, рожать ей или нет. Решение всегда дается непросто. Но это честнее, чем обрекать младенца на дом малютки.

– Как можно спасти мир, не желая спасти своего ребенка?

– Мне хочется вас ударить.

– Валяйте. Можете убить. Пуля в затылок. Только у вас руки дрожат. Промахнетесь.

– Это вы увидели в моем будущем?

– Вы в стекле отражаетесь.

– Прочитайте четвертый отрывок.

– Сверху или снизу?

– Сверху.. Не догадываетесь, о ком идет речь?!

– Олег?

– Его вписали туда. Вписали в пророчество, понимаете?! Из-за вас!

– И он умер. Вы уже говорили. Вот только главного не сказали – как именно умер мой бывший муж. Версии разнятся. Я вас слушаю. Итак, что случилось с моим мужем?

От того, что скажет Инга сейчас, зависел мой выбор – вступать в игру или нет.

– Думаю, что убили, – выдавила она после паузы. Видимо, наконец-то решила, что честность – лучшая политика. Всегда говори правду, но только в нужных пропорциях.

– Вы думаете или знаете?

- Этого не могу сказать.

- Почему?

Секунды становились минутами. Сердце стучало в такт времени. Вот только времени оставалось совсем немного.

– В случае вашего молчания, я не стану с вами сотрудничать.

– Не бойтесь?

– Когда терять нечего, терять легче. Не боюсь.

На столе белел венок пророчеств. Что хотел мне сказать Олег этим посланием? Понимал ли, что стал частью предсказания? Почему его, в общем-то, невнятного и не слишком заметного человека избрали для того, чтобы подтолкнуть гигантский космический механизм? Почему он?

Любой предсказатель знает, что в пророчество судьба вплетает только знаковые и значимые имена, способные повлиять на мир. Неужели я что-то проглядела в бывшем муже? Или его использовали как винтик. Винтик, у которого своя и очень важная гаечка. А кто у нас гаечка? Пять баллов тебе, Кассандра! За догадливость!

– Почему для вас так важно знать, как убили вашего мужа?

- Дурацкий вопрос. Вы не понимаете?

- Вы все еще его любите...

- Вы не понимаете.

– Хорошо, - сдалась она, наконец. - Ваш бывший муж был убит неделю назад, Кассандра. Недалеко от дома. Причина смерти – ножевое ранение в брюшную полость. Умер он не сразу. Перед убийством Олег был у Марги, встречался с дочерью и ее женихом, и навестил друга – Марычева.

(Марычев? Как же, как же! Давешний эксперт из телевизора!)

— Вы что, следили за ним?

— Да ну! Просто *вели*. Могу вам распечатку его последних

контактов прислать по факсу, если хотите.

— Хочу.

— Пришлю. Еще вопросы?

Умер он не сразу. Недалеко от дома. Значит, можно было спасти?

- Если вы вели его, то видели, - слова тяжело и больно выходили из горла. - Видели, кто это сделал.

Инга отвела взгляд. И я вдруг отчетливо поняла, что она знает, кто... Она была там.

- Вы видели и ничего не сделали? Не помогли? Не предотвратили?

- Кассандра...

- Вы видели и ничего не сделали? Да? ДА?! – кажется, я кричала.

- Видели и ничего не сделали, - спокойно ответила Инга. - Это частный случай, а мы не вмешиваемся в частные случаи.

- Уходите.

И она ушла.

ПЯТЫЙ

Наконец-то.

Я даже не шевельнулась, вчитываясь в замысловатые строчки письма. Раз за разом, пока не выучила наизусть. Они казались до странности знакомыми.

Тот, кто хотел, чтобы «венок» стал живым, поверил в это. Захотел сделать слова живыми, а образы выпуклыми, реальными. Если хочешь что-то осуществить, озвучь Намерение.

Мысленно — снова и снова — проговаривала текст, подстраиваясь под чужую ритмику и такт.

Дежавю не отпускало. Что-то очень знакомое. Кто-то уже нанизывал эти слова при мне, проверяя реакцию. Вспомнить бы, кто и когда...

Глаза слипались.

С чего начать-то? В голове ни мысли.

Вообще-то начали за меня. Убрав Олега. «Венок» – то самое письмо, о котором он мне тогда говорил. От кого оно пришло? Делаем мысленную зарубку: пробраться в почту Олега. Если он пользовался корпоративкой, будет сложно. Но если почта на

бесплатном ресурсе, можно попробовать подобрать пароль. Адрес знает Марга. Наверняка. Она все про нас знает.

И все-таки! Почему его решили устранить? В поиски конкурентов я не верила. Не столь крупный бизнес, нет смысла мараться. У нас и за меньшее могут убить, но бизнес Олега — не тот случай. Слишком много наследников, да и ждать полгода. В результате же рискуешь получить вместо процветающей фирмы кучу долгов и проблем.

Самое простое предположение — Олега устранили *они*. Нет героя — нет развития сюжета. На четвертой ветке пророчество теряет силу. Как следствие теряют силу и остальные. В пророчестве никаких случайностей — один элемент тянет за собой другой. Даже запятые должны стоять на своих местах, как и точки, как и многоточия. В истинном предсказании всегда есть многоточия, и они заменяют собой все остальные знаки.

Не то, не то! Должен быть личный мотив. Кому выгодно, чтобы Олега не стало?

Самым близким.

Ляля получает долгожданную свободу и финансовую независимость. Выходит замуж за того, кого выбрала.

Алла сохраняет статус и переходит из разряда законной жены в разряд законных вдов. Никакого дележа имущества, никаких сплетен и пикантных подробностей при разводе. Все чинно, с толикой благородной скорби. Вдова вызывает большее сочувствие, чем разведенная женщина.

Но представить себе Аллу в роли убийцы я не могла. Да и в роли заказчика не получалось. Характер не тот.

Вот в Ляле намного больше жесткости и цинизма, чем в ее мачехе.

Я вдруг поняла, почему версии убийства так различались. Каждый — Алла, маман, Марга предлагали свой вариант. Они хотели, чтобы он умер именно так:

Зарезали. Как свинью. В подворотне. Очень много крови.

У него до самого подбородка шов. Криво зашили. Не эстетично. И рана в боку - во-от с такой кулак.

Но вот такого финала — нож в спину - не заслужил...

Им всем было плевать на него. Частный случай. Нас не интересуют частные случаи, пока мы сами не станем таким частным случаем.

Из факса, морщась, выползал лист бумаги. Список: где побывал Олег накануне исчезновения. Инга сдержала обещание.

Я дождалась характерного писка, и оторвала послание. Жаль, я не слишком сильна в оргтехнике. Почему-то не хотелось, чтобы Марга узнала об этом факсе. Но как стереть номер, я не знала.

Три места.

Кафе. Встреча с женихом дочери. Разговор на повышенных тонах. Олег ушел первым, бросив на стол мятые купюры. Жених после его ухода пересчитал деньги, доплачивать не стал.

Частная квартира. Хозяйка – молодая красивая женщина с экзотическим именем Марга. В квартире Олег пробыл два часа. Вышли вместе. Расстались у подъезда. Марга уехала на своей машине. Олег направился пешком к центру города.

Какую интересную и насыщенную жизнь вел мой бывший муж!

Коммерческая фирма, специализирующаяся на экономическом консалтинге. Владелец – Марычев.

— *...Между прочим, у вас простатит.*

— *И что меня ждет в будущем?*

— *Станете вдовцом. И однажды наши судьбы пересекутся.*

Вот и пересеклись.

Я уничтожила в офисе все следы от наших ночных с Ингой посиделок. Доехала домой, приняла горячий душ.

Одна. Наконец-то, одна.

Всё! Баиньки!

...Как там Марга сказала вдруг?

— Ты жить по-настоящему начала, когда одна осталась. Перестала кричать по ночам. Сворачиваешься в клубок и спишь.

– Не помню, чтобы я кричала.

– А я помню! Каждую ночь. У кого-то младенцы по ночам орут, у нас ты была младенцем. Мы старались лечь раньше тебя и, если удастся, заснуть. Амёба твоя вообще в наушниках ложилась и музыку врубала погромче, сверху две подушки и одеяло. Так и спала под тым-ты-дым. Как не оглохла, до сих пор не пойму.

– Извини.

– Да ладно! Сейчас-то что! Было — прошло... Мы с Олегом на кухне сидели. Он в трусах. Я в халате. У меня ноги все время

мерзли. В любое время года. Он однажды посмотрел, как я трясусь, и принес твои носки. Помнишь, малиновые такие, с кисточками. Внутри мех кроличий. Как тапочки.

– Он их привез откуда-то. В них уютно было. Лялька очень обижалась, что он только мне привез.

– Он тогда сказала: когда ноги в тепле, то и душа не так мерзнет. Мы сидели и слушали, как ты кричишь. Час, два. Потом соседи стучали в стену. Олег жутко ругался и курил. Ты замолкала часа в четыре. И мы шли спать.

– Это тогда вы сошлись?

– Нет, что ты! – тряхнула головой, словно сбросила перхоть воспоминаний. – Какой секс?! Он же тебя слушал. Тебя! Понимаешь? Каждую ночь. Иногда уходил и баюкал, если знал, что поможет. Он все про тебя знал. Хоть и сволочь.

Ну вот, опять любимая для Марги тема!

...Проснувшись, надо сразу ей позвонить, на опережение.

Трех часов полноценного забытья хватило. Бодрячком! Или в самом деле я жить по-настоящему начала, когда одна осталась? Вот еще чашечку кофе! И, да, звонок — на опережение!

— Марга?

— О! Стахановка паранормального труда!

Я проигнорировала сомнительную похвалу:

– Насчет вчерашней клиентки. Случай тяжелый, кармический. Пришлось повозиться. Расстались только под утро, но вполне довольные друг дружкой. Она сказала, что разрекламирует нас в своем кругу.

– Реклама нам нужна!

– Там, в сейфе, я оставила заполненный договор и деньги за оказанные услуги. Сумма внушительная. Глянь.

– Ага. Потом, чуть позже.

Марга – и «чуть позже», когда речь о внушительной сумме? Нет, ну никто не ценит стахановские подвиги паранормального труда!

– Марга, с тобой все в порядке? Голос какой-то напряженный...

– Со мной все в порядке. Я просто сейчас стою на стремянке, и поливаю чертов фикус. Совсем сник после твоих кармических

случаев.

– Ты помнишь, у меня сегодня отгул?

– Гуляй! Заслужила!

– Вот спасибо, владычица морская!

– Вот пожалуйста!

Не прерывая разговор, я влезла в козлиное пальто. Сосредоточенно накрутила на горло длинный красный шарф. Раньше его носила Марга, и он ей был очень к лицу. Искала сегодня перчатки и нашла шарф. Повинуясь внутреннему порыву, надела. Айседора Дункан, блин!

Аромат выцветших духов бередил воспоминания. Интересно, помнит ли Марга? Никогда не спрашивала о той ночи накануне ее двадцатилетия. А она никогда не поднимала тему, ставшую для нас обеих запретной.

– Кассандра! И все-таки... Ты куда?

– У меня свидание.

В трубке — грохот. Марга упала на фикус.

Все равно он был не жилец.

«Петроградская». Следующая станция «Черная речка». Осторожно, двери закрываются.

Толпа сжала и пронесла на эскалатор.

Бизнес-центр я нашла после получаса блужданий. В голову не пришло, что уродливое заводское здание грязно-белого цвета и есть тот самый бизнес-центр, рекламируемый на городских билбордах.

Здесь финансовый кризис только начал сказываться — пока что съезжали маленькие фирмочки. В холле громоздились коробки. Пахло кислой капустой и разогретыми сосисками

Неужели дела у Марычева настолько плохи, что он вынужден арендовать офис в этой дыре?

Я нашла нужный кабинет и постучала.

– Войдите!

Я сделала шаг и застыла, не веря своим глазам.

– Ба! Вот это встреча, – издевательски обрадовалась Лялька и крутанулась на узком офисном стульчике.

Тонкий пиджачок выгодно подчеркивал все Лялькины впуклости и выпуклости.

– Блудная мама пришла навестить юную красавицу-дочь. Как

трогательно! Что стоишь? Проходи, раз пришла.

Удалось собраться с мыслями и сделать шаг в приемную, прикрыв за собой дверь. Сложно, оказывается, встретиться лицом к лицу с родным по крови человеком, который тебя ненавидит. Искренне и люто.

– Вообще-то я к Марычеву.

– Вам назначено? – Лялька усмехнулась и демонстративно пролистнула секретарский ежедневник.

– Нет.

– Тогда можно и не ждать – не примет.

– Меня примет, – я демонстративно сняла пальто.

– Узнаю шарфик, – Лялька приподняла карандашом кончик шарфа. – Милая вещичка. Донашиваешь за своей ненаглядной воспитанницей?

– Донашиваю. Вещи у Марги – хорошего качества, – в тон ответила я. – Элитный секонд-хенд.

– Вторичность – признак твоей натуры. Вечно ты объедки подбираешь.

Черт, как сердце болит. Шило в самом центре. Медленно вокруг оси. Не лопнуло бы сердечко-то... Рано ему еще.

– И как с ней работается? – не унималась дочь. – Ты теперь, говорят, великая пророчица. Людям помогаешь. Толпами к тебе, говорят, ходят.

Интересно, кто это ей «говорят»?

– Помогаю.

– И кто ходит? Разведенные жены и неверные мужья?

– Они и ходят. Разведенные жены и неверные мужья.

Лялька скривилась:

– Добро бы, олигархи или политики! Хоть какой-то смысл.

– Позвони Марычеву, примет ли он меня.

– Как вас представить Сергею Леонидовичу? Пророчица? Или незваная пьянчужка?

– До сих пор не можешь меня простить?

– Не могу. И не хочу!.. А Сергея Леонидовича нет, он на обеде. Так что еще, как минимум, полчаса, нам придется развлекать друг друга.

– Может, кофе нальешь?

– Не маленькая. Сама пригостишь.

Я насыпала две ложки кофе в щербатую чашку (сервиз для гостей красовался на отдельной полке), добавила воды из кулера.

– Ты – будешь? – спросила для проформы.

– Из твоих рук? Да я с тобой в одном поле срать не сяду.

– Грубость тебя портит. Может, поговорим как цивилизованные люди?

– Цивилизованные? Тут кто-то говорит о цивилизованных отношениях? — Ранние сумерки пробежали по ее лицу. – Что ж, давай поговорим. Знаешь, я еще могу понять, когда женщина сутками не просыхает и верит, что ее пророчества могут изменить мир. Я могу понять, когда она без боя отдает мужа подруге и на несколько лет забывает, что у нее есть родная дочь. Пусть и с натяжкой, я могу понять, когда она в дом приводит подзаборную шлюху, и не замечает, что шлюха спит с ее мужем, моим отцом. И не только спит, но и приворовывает вещи. Я могу понять, когда женщина, разрушившая жизнь моей семьи, не приходит на похороны моего отца.

Переведи дух, доченька!

Перевела.

— Но вот чего я совсем не могу понять, мамуля, так это что ты спишь с моим женихом. Может, объяснишь, цивилизованный человек, а?

Холодный кофе обжег ладонь.

– С кем я сплю?

– С моим будущим мужем!

– Бред!

– Да шо вы говорите! – издевательски пропела Ляля. – Бред? Мамуля, это твоя жизнь – бред! Папаша умер — думала, вздохну спокойно. Но нет! Снова ты! И когда только уберешься из моей жизни?!

– Ты права. Мне давно пора оставить тебя в покое, – я достала из сумки мобильный телефон. – Позволишь сделать звонок?

– Да ради бога!

Дима обрадовался:

– Я скучал. Какие планы на вечер? Встретимся?

– Дима, это правда, что ты скоро женишься?

Ляля ухмыльнулась.

Дима смешался. Я чувствовала его мысли – трусливые и

быстрые.

– Кто тебе сказал? Кто тебе сказал эту чушь?

Громко. И Ляля услышала. Уголки губ снова дрогнули. Когда-нибудь она это припомнит. Мне и Диме.

Я решила не жалеть:

– Твоя будущая жена.

Не стоит загонять мужика в угол, особенно неопытного и молодого. Бить станет наотмашь. Правда, сам не поймет, почему и зачем. Если поднимешься – ударит вновь. И так до тех пор, пока не останешься лежать.

– Ты что, знакома с Еленой?

– С какой Еленой?

– Ты даже не помнишь, как меня зовут! – прошипела Лялька.
– Елена – это я. Наградил господь мамашей!

Ей никогда не нравилось имя Ляля. «Кукольное какое-то!» И не отзывалась. Со временем Олег стал называть дочь Леной, а я упорствовала, словно в этих двух «л» и «я» заключался особый, не понятный мне до конца смысл. Может быть, надеялась, что имя смягчит жесткий и непростой характер.

В детстве Лялька и походила на куклу...

– Когда ты познакомилась с Еленой? – Дима даже не заметил моего замешательства, связанного с путаницей имен. – Вообще не представляю, где вы могли пересечься? Как давно ты ее знаешь?

– С ее рождения.

– Не понял.

– Она моя дочь.

– С тобой не соскучишься, – хохотнул. Вместо уверенного мужского гогота получился натужный писк-всхлип. – Насколько я знаю, маму моей невесты зовут Алла.

– Алла – мачеха Ляли.

– Черт! Дурацкая история! — Он спешно искал виноватого. И нашел. — — Сука! Сука ты! Как чувствовал! Откуда ты только взялась на мою голову, идиотка!

– Определись – сука я или идиотка.

Ляля довольно улыбнулась.

– Идиотка! И сука!

– Пусть так. Значит, насчет свадьбы я права...

– Допустим. Тебе-то что? Ты же не думаешь, что мы с тобой могли бы...

– Конечно, нет, Дима, – мягко ответила я. – Где я, а где ты. Я ведь старше тебя. Я все понимаю. Рано или поздно это все равно бы всплыло. Лучше рано, а то наломали бы мы с тобой дров — не разгрести. Никто ни в чем не виноват. Я звоню по просьбе своей дочери и твоей будущей жены. Она просила тебе передать, что между нами – тобой и мной – все кончено. Это понятно? Насчет Елены не беспокойся: думаю, она тебя простит за смешной адюльтер. Будем считать, что был такой долгоиграющий мальчишник.

– Сука!

Я дала отбой.

– Довольна?

– Сплошные штампы, – Лялька зло потушила окурок. – Вся твоя жизнь – сплошные штампы.

– Теперь неважно. Если бы я знала, что вы вместе...

– А ты, значит, как обычно, ничего и не почувствовала. Удобная отмазка.

У Ляльки всегда было странное отношение к моему дару – она верила и не верила одновременно. Ненавидела, когда я угадывала. Но еще больше ненавидела, когда пророчество оказывалось ложным. Иногда мне снилось, что у Ляльки родится дочь, которая унаследует мой дар. Становилось худо от мысли, как возненавидит несчастного ребенка моя дочь. А я уже ничем не смогу помочь внучке. Справедливости ради, я и Ляльке ничем не смогу помочь...

– Ляля...

– Меня зовут Елена! Допивай кофе и вали отсюда. Видеть тебя не могу!

Сцена дорого далась нам обеим.

– Скажи, а папа... то есть Олег... Он приходил к тебе накануне смерти?

– Куда приходил?

– Сюда...

Она вдруг смягчилась, напомнив давнего послушного и красивого ребенка:

– Он мне ведь каждую ночь снится, сказать что-то хочет. А я не слышу. Хочу обнять, а между нами стекло.

– А по губам разобрать не пробовала?

– Стекло в грязи. Только силуэт и вижу.

– Значит, здесь он все-таки был?

– Ну да! Я на обед ходила, вернулась, а он уже в приемной куртку надевает. Смутился страшно. Нес какую-то чепуху про мою свадьбу. Мол, как счастлив и все такое.

– А почему чепуху?

– Да он Диму на дух не выносил. Дима в другом офисе работал. Карьера хорошая. В общем, какой-то совместный проект. Собственно, так мы с ним и познакомились. Папа нас с мамой тогда на вечеринку по поводу этого проекта пригласил. Я еще идти не хотела. Мама сказала, что надо – никогда не знаешь, за каким поворотом тебя ждет судьба. И оказалась права.

Слово «мама» снова прошло через сознание раскаленным прутком. Алла заняла и это место. Поделом тебе, Каська, поделом. За все твои грехи – истинные и ложные.

Я аккуратно отставила чашку.

– И с тех пор вы встречаетесь?

– С Димой? Полгода уже.

– Большой срок для замужества.

– Он перспективный. С ним я буду счастлива.

Перспективный? Счастлива? Ну, да. Измена – пережиток. Оксюморон. Удобный повод, чтобы разбежаться и возненавидеть друг друга. Умные люди изменяют и не делают из этого трагедии. Вот Лялька – умный человек. Вся в отца. Не делает трагедии из бытовых пустяков. Изменил, и что с того? Единственно, что ее не устроило — соперницей оказалась родная мать. А так – все в полном порядке.

Лялька вдруг напряглась:

– Ты что-то видела? Нехорошее? Он потеряет бизнес? Сейчас все теряют. С ума сошли с этим кризисом. Увольняют, становятся банкротами.

– Если всех увольнять, работать будет некому.

– Ты что-то скрываешь!

– Успокойся, про Диму я ничего не знаю. В его будущее не заглядывала.

– Врешь! Как можно не интересоваться будущим своего любовника!

– Можно. Если любовник тебя не интересует.

– А зачем с ним тогда спать?

– Для здоровья.

Она покраснела:

– Извини.
– Это ты меня извини, – в который раз за день я намотала красный шарф. Сейчас он удавкой жег шею.
– За что?
– За то, что спала с твоим мужем.
– Будущим, – уточнила она.
– Будущее тем и хорошо, что иногда не происходит.
– Как, как?
– Живи настоящим, Ляля. Завтра может и не быть.
Она отвернулась, продемонстрировав напоследок безупречный профиль. Такая моя и такая неродная.
В дверях мы столкнулись с Марычевым.

Он выглядел чуть иначе, чем на экране. Телекамера и грим добавляют привлекательности и здоровья. В реальности все совсем иначе.

За эти годы он постарел и иссох. Пергаментная кожа плотно натянута на череп. Под глазами сине-желтые тени. Шишковатая голова побрита. На безымянном пальце левой руки обручальное кольцо с глубокой царапиной. Такая же царапина была у Марычева на сердце.

Он узнал меня сразу – уголок рта дрогнул, а в глазах промелькнул страх.

– Кто-нибудь звонил?
– Никто. Так, по мелочи... – Лялька *почувствовала* и снова говорила отрывисто и зло. – Список у вас на столе.
– Спасибо, на сегодня вы свободны.
– Но ведь еще два часа...
– Повторяю, свободны.

Мы молча смотрели, как она выключает компьютер, переобувается, меняя туфли на модные сапоги, надевает невесомую норковую шубку.

Лялька протиснулась меж нами и вышла.

Марычев подождал с минуту, затем выглянул в коридор, закрыл дверь и повернул ключом.

– Так будет лучше. Давайте ваше пальто.

Мы прошли в кабинет. Марычев плеснул коньяка в стаканы, но, вспомнив о моей пагубной привычке, замялся.

Я взяла стакан из его влажных рук и присела на диван. Прислушалась к ощущениям. Олег был здесь, я чувствовала его присутствие.

– Да, он был здесь. В день своей смерти, – Марычев залпом осушил стакан. — Ваша дочь обычно очень долго обедает, так что у нас было время поговорить. Нам никто не мешал.

– Вы знали, что я приду?

– Олег сказал. Получается, я вас ждал. Только все равно оказался не готов. Не думал, что когда-нибудь буду снова сидеть с вами — вот так, в полной тишине — и смотреть глаза в глаза.

– Я задам всего несколько вопросов и сразу уйду. Понимаю, что вам неприятно и больно.

– Ничего вы не понимаете! – выкрикнул он. – И Олег не понимал. Он думал, я вас ненавижу, Кассандра. За все, что тогда случилось.

– А на самом деле?

– Я вам благодарен. Знали бы вы, как я вам благодарен! Если я кого и ненавижу, то только себя. Именно за это чувство. Я у вас в долгу. Спрашивайте.

ШЕСТОЙ

После женитьбе на Алле Олег звонил редко, справедливо полагая, что телефонные звонки будут неприятны всем – его новой семье, ему и мне.

Я пыталась жить без него и без дочери, привыкая к той норе, где зализывала раны от самой себя.

Заглянув ко мне в первый и последний раз, маман ужаснулась:

– Убожество! Купив эту живопырку, Олег хотел тебя унижить.

– А мне нравится!

Маман хлопнула хлипкой дверью.

Квартиру выбирала Алла. Она же и подготовила все бумаги, которые Олег подписал.

Получив документы, позвонила Олегу, хотела поблагодарить за столь щедрый подарок.

Трубку перехватила Алла:

– Он не будет с тобой говорить. Твоя мать нам все нервы вымотала. Ее послушать, так ты ангел – сирий и убогий. Вон как

крылышки пообвисли.

– Алла, я просто хочу сказать «спасибо».

– Скажи мне. Ведь это я, в конце концов, настояла, чтобы Олег выделил деньги тебе на квартиру. Нам из-за тебя пришлось свои планы поменять. Медовый месяц в Париже отложили.

– Ну, извините. Но мне тоже где-то надо жить.

– Вот и живи, только нас оставь в покое!

Вот и жила. Эта убогая квартирка мне действительно нравилась. Впервые в жизни свой собственный дом. Тогда у меня многое было впервые в жизни.

Олег позвонил в теплый сентябрьский вечер:

– Я внизу. Надо поговорить. Поднимаюсь.

В прихожей, присвистнул:

– Гроб со всеми удобствами.

– То, чего я достойна, по мнению Аллы.

– Она тебя очень не любит, – Олег снял пиджак без разрешения.

– Главное, чтобы она тебя любила.

– Любит, – он пожал плечами. – Куда она теперь денется? Хотела – получила. Пусть теперь кушает. Кстати, о еде. Кухня в этом гробу есть? Чаю мне дадут?

На кухне сразу стало тесно.

Я поставила чайник.

– Не пьешь? – деловито спросил Олег.

– Не пью.

– Закодировали?

– Просто не хочется.

– А я ведь по делу, Каська. Помощь твоя нужна.

Я промолчала.

Он вдруг завелся:

– Думаешь, вот ведь сволочь! Пока баба в психушке лежала, дочь забрал, из квартиры выписал, поселил в халупе, а теперь пришел: дорогая, мне помощь нужна. Так?

– Избавь меня от лирических отступлений. Рассказывай.

– Другая бы морду исцарапала, а ты сидишь и слушаешь. Странная ты баба, Каська!

– Мне все равно делать нечего. Телевизора нет. Радиоточки и книг тоже. А так хоть время скоротаю.

– Телевизор будет. Завтра. И книги привезу.

– Расслабься, их все равно некуда ставить. Да и читать не хочу. Устала от чужих мыслей. Мне и с тобой их хватало. Давай к делу. Так кому помощь все-таки нужна – тебе или приятелю?

– Приятелю, – Олег отбросил рефлексии. – Помнишь, мы с тобой были на презентации. Ты еще с экспертом там познакомилась.

– С Марычевым.

– Точно. С ним. Он заболел.

– Я не доктор.

– Ясен перец. Но он мне нужен, Каська. Очень нужен. Без него весь мой бизнес – коту под хвост. Он гений. Ты не представляешь. Из ничего деньги делает. Каждый его прогноз на миллион.

– Камень в мой огород?

– Дура, – беззлобно отозвался Олег. – Ты – особенная, а Марычев – финансовый гений. Смотрит на котировки и с точностью до нюанса говорит, что на рынке происходит. Обалдеть! Я без него, как без рук. И тут он говорит, что помрет скоро.

– Я не доктор.

– Заладила! Я же знаю, ты можешь. Стольким людям помогала. Помоги теперь мне. Раз в жизни. Что тебе стоит?!

– А ты мне — телевизор в благодарность.

– Да все, что хочешь!

– Я тебя хочу.

Он побледнел и после мучительной паузы-раздумья затеребил пряжку ремня на джинсах.

Видать, крепко припекло.

– Пошутила я. Ты мне не нужен. Марычева твоего посмотрю. Завтра приводи. Только не сюда. В ресторан. Ужин за твой счет.

Олег улыбнулся облегченно:

– Согласен.

Вечер мы провели в греческом ресторане. Мне всегда нравилась средиземноморская кухня, и я оценила внимание бывшего мужа.

Марычев пришел с женой, опоздав на тридцать минут. Заказал, не глядя в меню, равнодушно передал кожаную папку супруге. Та долго гнобила официанта массой уточняющих

вопросов о калорийности блюд. На диете, значит.

Пока она вяло ковыряла в тарелке, мужчины перешли к обсуждению деловых вопросов. Я же, откинувшись на плетеную спинку, изучала эту совершенно негармоничную пару.

Чем дольше длится брак, тем больше супруги похожи друг на друга. Маша и Сергей, напротив, выглядели антагонистами.

Марычев – поджарый, загорелый, излучал энергию и силу. Маша – рыхловато-болезненная, квашня с ямочками. Ямочки на щеках не умиляли, а раздражали.

Иногда Марычев бросал на жену торопливо-равнодушный взгляд, словно хотел убедиться, что вот она, еще здесь, рядом с ним. И ему становилось скучно и тошно.

Мы с Олегом были, наверное, интереснее — затеяв невинный флирт. Он, по старой памяти, касался моего бедра, неожиданно перехватывал мою руку с бокалом и отпивал, а затем касался губами запястья.

Марычев, зная анамнез наших отношений, тонко улыбался. Маша отворачивалась. Мы ей были неприятны.

Марычев, похоже, знал, как именно я проникаю в суть, и старался не смотреть мне в глаза. Но в какой-то момент забылся, рассмеявшись, и потерял контроль.

Я мгновенно воспользовалась, нырнула в чужой мир.

Здесь было, как на празднике. Разноцветные шарики, глиняные свистульки, поп-корн, затейливые карусели, веселая музыка. Немного простовато, но в сочетании с радушием – обезоруживающе. Только вдалеке – черная полоса. Она наступала медленно, алчно, без шанса на спасение. Но чем ближе наступала болезнь, тем бешеней вертелись карусели, тем громче гудели свистульки. Марычев ни секунды не верил в то, что умрет. Намеревался прожить еще долго и весело.

Интересно, Маша знает?

Маша вяло водила тигровой креветкой по тарелке, рисуя узоры из легкого средиземноморского соуса. Почувствовав, что я смотрю, подняла голову. Мелькнул неровно покрашенный пробор.

Знает о болезни мужа, знает и очень боится. Ей страшно остаться одной, и она готова на все, чтобы этого не произошло. Некая внутренняя готовность перетянуть на себя болезнь мужа, вытащить его на себе из надвигающейся паники и страха. Ей очень важно быть как все. Иначе... Иначе зачем жить? А у всех должна

быть семья и долг перед семьей. Ее так воспитали.

– Десерт? – дыхание Олега было теплым и искушающим, с нотами дорогого табака.

– Обязательно.

...– Мне бы хотелось увидеться снова, – при прощании Марычев галантно поцеловал руку.

Маша равнодушно кивнула мне и направилась к машине.

– Она не светский человек. – извинился Марычев за жену. – Не любит, когда кто-то нарушает ее границы.

– А вы?

– А я люблю.

Олег вызвался меня проводить. Оставил машину у ресторана, и мы пошли по набережной. Желтые листья шуршали под ногами.

– Как в былые времена, – сказал он. – Последний раз я так гулял с тобой... и не вспомнить, когда. Помню только, что поздней осенью. И мне хотелось тебя целовать. Все время. Но домой мы не могли идти: там нам мешали Лялька, телефон и телевизор.

– Блага цивилизации.

– Считаешь Ляльку благом цивилизации? – усмехнулся он.

– Благо цивилизации – телевизор. А Лялька просто благо. Твое и мое.

– Теперь у тебя нет телевизора.

– И ты не можешь меня целовать.

– Почему не могу? – Он остановился и повернулся ко мне. – Не представляешь, как я соскучился... Я не целовал тебя целую вечность и один день.

– Гораздо больше. Ты не целовал меня два года. Два года – намного больше, чем вечность и один день.

– Я не знал, что так будет. Я не знал, что не смогу жить вне тебя и без тебя.

– Я замерзла. Пойдем домой. Хотя бы сегодня – пойдем домой.

...Не угар.

Не лихорадка.

Легкая, пронзительная грусть.

Мы снова незнакомцы — встретились в ресторане, немного выпили, оказались в постели. Утром я сварю кофе, он небрежно

чмокнет меня в уголок припухшего зацелованного рта и уйдет. С тем, чтобы никогда не звонить и не возвращаться.

Ночь связала нас – и теперь уже навсегда.

– Это ты и не ты, – сказал Олег.

Было четыре часа утра, и мы лежали на узкой кровати.

– Это я и не я.

Боялась, что ответит пошлостью типа: «Надо придумать, что сказать Алле». Но — молчал. И я поняла, что Алла ничего для него не значит. Но — будет с ней жить дальше. Потому, что никогда не сможет попросить у меня разрешения вернуться. И я никогда не попрошу, чтобы он вернулся.

Горечь, горечь, вечный искус на губах твоих, о, страсть...

Олег поцеловал меня в темечко.

– Скажи, Марычев умрет?

– Он действительно болен. Очень сильно болен. Онкология.

Олег тихонько выругался и прижал меня к себе.

– Подожди, я же не сказала, что он умрет. Не путай причину со следствием.

– Успокаиваешь? – его голос сорвался на хрип. – Мы были с ним в центре. Врачи, как и ты, говорят: вы смертельно больны, но это не значит, что умрете. Надо верить! Надо бороться! И прочая ерунда... Знаешь, как он отреагировал?

– Как?

– Сказал: «Из-за этой ерунды я потерял пять часов рабочего времени?» И вышел. А потом плакал в туалете. А я делал вид, что ничего не слышу. Что делать, Каська?

– Все наши проблемы в голове. И только. Мы сами их придумываем, наделяем отвратительной формой и выталкиваем в реальность. Потом удивляемся, почему в нашей жизни все не так, как хочется. А все лишь потому, что мы же и запрограммировали собственную жизнь. Ты мысленно уже похоронил Марычева, а он, между прочим, очень хочет жить. И в этом заключается его шанс.

– И?

– Поверить.

– В бога?

– Лучше в себя. Бог может и подвести. Когда он нужен, то всегда занят... Скорой смерти я не увидела, если это тебя интересует. Но и спокойной жизни тоже. Ад Марычева еще впереди. Его личный ад.

– Ничего! И в аду люди живут!

Что да, то да...

– В общем, исцелить – вряд ли. Я не господь бог. Но вот перетянуть... Переместить картинку... Как на компьютере... Если ты понимаешь, о чем я. Понимаешь?

– Переместить картинку... – Олег резко сел, кровать натужно скрипнула. – Марычев будет жить, а кто-то за него умрет. Разве так бывает?

Редко, но бывает. В моей практике несколько случаев.

– Как это сделать? В смысле, технически? – тон бывшего мужа стал деловым.

– Если бы знала, давно получила Нобелевскую премию, – усмехнулась я. – Окажись в окружении Марычева искренне любящий человек, тогда...

– А жена? – спросил Олег и сам же отмахнулся. – Они давно со-существуют. Он сам по себе. Она сама по себе. Машка будет только рада, если он умрет. Квартира, деньги, машина и свобода. Живи — не хочу.

– Марычев должен пройти через это сам, — увещающее сказала я. — Каждое испытание дается нам для чего-то. Все, что нас не убивает, делает сильнее.

– Следуя этой логике, можно предположить, что твое пьянство стало испытанием для нашей семьи. И мы его не выдержали, – глухо ответил Олег. – Марычев болен, и я не собираюсь пускать все на самотек. Мне тебя хватило. Ты с ним встретишься, Каська. И будешь работать столько, сколько надо.

За окном лениво просыпался город.

Олег молча одевался. Словно и не было минувшей ночи. Словно не было нас. Впрочем, нас уже действительно не было.

– А если я сорвусь?

– Не сорвешься, – он положил на прикроватный столик несколько купюр.

Вздрогнула, принимая. И поняла, что он прав. Не сорвусь.

Мы еще раз встретились с Марычевым. Он тогда занимал два этажа в бизнес-центре на Невском. Новый бизнес, пахнущий свежей типографской краской и большими деньгами.

– Присаживайтесь, – изо всех сил старался быть

великодушным. – Не знаю, почему Олег так настаивал на нашей встрече, но я был вынужден согласиться. Многим ему обязан.

– Вы любите свою жену? – спросила я, наконец.

– Имеет отношение к моей проблеме?

– Да.

– Я ее ненавижу! – О, святая простота! – Иногда рад, что умру, и мы окажемся по разные стороны этой жизни. Впрочем, вы знаете, что я ее ненавижу.

– Зачем тогда женились?

– Ради секса. Для чего же еще! – он хмыкнул. – Это сейчас живи, с кем хочешь, а тогда, сами знаете, в гости не придешь, на ночь не останешься. Жмешься по парадным, пока штаны не лопнут, и думаешь: ну, когда, когда? А будущий тесть вопит в телефон: или через мой труп, или после свадьбы. Не убивать же его? Дурацкая страна! Если порядочный человек, то делай, как все. Кому охота себя непорядочным чувствовать?! Вот и я, дурак, решил быть, как все. Через полгода понял, что попал. Но куда деваться? Ни кола, ни двора. Только жена родня. Вот и приспособился жить в ненависти.

– Вместо того, чтобы черпать в ней силы, вы разрушаете себя.

Он задумался.

– Ищете корень моей болезни во мне? Логично. Я тоже с этого начал. Перелопатил сотни статей, пытаюсь разобраться, откуда во мне эта опухоль. Почему я, а не кто-то другой?

– Разобрались?

– Отчасти, – развивать мысль не стал.

– А как бы вы жили, если бы не ваша жена?

Марычев вкусно потянулся, хрустнув позвонками.

– Свернул бы бизнес. Арендывал бы маленький офис. Я, плюс секретарь, плюс проходящий бухгалтер. Клиенты у меня состоятельные, подход индивидуальный, репутация отменная. Два-три контракта, и весь год живу в свое удовольствие.

– Тогда зачем вам два этажа и десятки лишних работников?

– А чтобы как у всех. Это же заразная штука. Быть как все. В таком же пиджаке, при таком же «роллексе», на такой же машине. Если ты другой – ты слабый, и тебя съедят.

– Что еще?

– Продал бы квартиру, купил бы дом за городом. С садом и огородом. И обязательно у озера.

– Огород — выращивать капусту?

– Ага. Как римский Диоклетиан. «Ребята, если бы вы знали, какую капусту я своими руками выращиваю!» Почему нет?! Я путешествовать хочу. Продумывать маршрут, ездить по разным странам, с людьми разговаривать. Пусть на уровне жестов. Вот странное дело – денег много, а времени нет. Не могу оставить свой бизнес. Не могу оставить Машу, она совершенно беспомощна. Не могу вырваться из этого круга, где я всем что-то должен и априори всегда виноват. А тут еще врачи, осмотры, процедуры. На море пятнадцать лет не был. Представляете? Оно снится, море. Лечь бы на воду и покачиваться, и волны тебя уносят. А затем улыбнуться и уйти в глубину. Заметьте, не на дно, а в глубину. Если умирать, то только так. — Марычев усмехнулся. – Как только осознал, что ненавижу свою жену, понял, что болен.

– Что мешает разойтись? Человек вы теперь обеспеченный. Родня вашей жены влияния не имеет.

– Пробовал. Честно. Проснулся утром и понимаю: все, амба, гиря до полу дошла. Не могу! И за завтраком выложил: так и так, не люблю, давай разойдемся. Она смотрит на меня – глаза, как у Бэмби. Не любишь? Почему? Раньше любил, а теперь не любишь? И не смог я сказать, что и раньше не любил, а только хотел. Потому как природа своего требовала, а другой кандидатуры на постель не нашлось. Давай, говорю, квартиру разменяем и расстанемся. Она ревет: никуда не уйду, тут останусь.

– Уходите сами. Денег много...

– Мои деньги! – жестко отрезал. – Почему я должен их отдавать чужому мне человеку, только потому, что у нее какие-то права по закону. А по моральному закону, какие у нее права? По справедливости? Я пятнадцать лет строил свое дело – кирпичик по кирпичику. Она же палец о палец не ударила. Не потому, что не хочет, просто ничего не умеет. Даже ребенка родить не смогла.

– Дети без секса не заводятся.

– Я в курсе, – огрызнулся. – Знаете, что больше всего меня злит? То, что все это (обвел рукой кабинет) достанется ей. И она все развалит. В считанные месяцы. Все, чем я жил.

– Не все ли равно? Раз умирать собрались.

– А кто вам сказал, что я на тот свет собираюсь? – хлопнул себя по бритой голове. – Я еще поборюсь. А как пойму, что не получилось, завещание напишу. Ни копейки ей! Я – человек, и

ничто материальное мне не чуждо. Выгнать ее не могу, уйти она не хочет. Выход? Кто-то должен умереть. И если я порядочный человек, то умереть должен я. Круг замкнулся.

– Тысячи людей в вашей ситуации как-то решают этот вопрос.

– Например, вы с Олегом. Когда вашему бывшему мужу потребовалось вас вычеркнуть, Кассандра, он взял и вычеркнул. Что скажете?

– Что он был прав. Жить со мной было невозможно. А ему нужно воспитывать дочь, строить бизнес, любить, наконец. Человек без любви – инвалид.

– Тогда мы все инвалиды... Знаете, а он ведь очень переживал. И до сих пор переживает. Если вас утешит, у них была очень грустная свадьба.

– Не утешит, но все равно спасибо, – моя очередь горько улыбнуться. – Нельзя все время только брать или только отдавать. Природа требует баланса.

– Философия потребления. Любимая тема Олега. Требуя большего, незаметно скатываешься в яму. Яму без нет дна. Все эти кредиты, бонусы, ставки, финансовые аферы. А в итоге будет плохо всем. Наступит кризис потребления. Так думает ваш муж.

– Бывший муж.

– Хорошо, так думает ваш бывший муж.

– Вы с ним не согласны?

– Ерунда все это. Плевать на Шекспира, если хочешь срать. Человек создан для красивой, вкусной и удобной жизни. Дауншифтинг – для неудачников. Если говоришь, что тебе ничего не надо, то у тебя ничего и не будет. Не может быть художник голодным! Не может и не должен! Если день и ночь думаешь о том, сможешь ли купить хлеба своему ребенку, ни черта не создашь.

– И что вы теперь намерены делать?

– Жить. Ровно столько, сколько отмерено. И постараюсь получить удовольствие.

– Вы позволите?

Он сразу понял.

– Пожалуйста.

Откинулся в кресле и закрыл глаза.

Та же ярмарка. Но это я уже видела. Набралась смелости и побрела к черной полосе. Узкая тропка. Колючие лапы елей. И тишина. Звонящая, напряженная. Пробиралась вглубь, отводя

тяжелые зеленые лапы. Дальше — бурелом. Выворотни. Сучья, готовые продырявить босую душу. Темнота и страх. Я наклонилась: под мертвыми черными ветвями — зеленые ростки. Тонкие, слабые, но они были повсеместно. С каждым мгновением их все больше. И они очень хотели жить.

Имела ли я право сказать ему, КАК это сделать? Не знаю. Но я сказала. Точнее, подсказала. Ростки благодарно потянулись вверх, стало чуть светлее.

Я осторожно вышла, стараясь не причинить боли.

Марычев спал. Блаженно и умиротворенно.

Будете жить, Марычев.

СЕДЬМОЙ

– Вы оказались правы, – сказал постаревший на чужую жизнь Сергей Леонидович. – Я выжил. Мы ведь с вами после того разговора так и не виделись?

– Не пришлось.

– Да, закрутилось как-то все. – Он помолчал. – Маша сгорела очень быстро. Но умерла счастливой, точно знаю.

– Вам тяжело это далось.

– Очень. Долгое время чувствовал себя убийцей. Расскажи кому – сочтут сумасшедшим.

– Если вдуматься, безумны все вокруг. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Считайте, у вас норма.

– Самое сложное было заставить себя спать с ней. Ничего не чувствовал. Только механику процесса. Туда-сюда, туда-сюда. Она же очень старалась. Последняя просьба умирающего – начать все сначала. Кто устоит? Но в какой-то момент все изменилось. Я стал сильнее, она слабее. Мы поменялись местами.

– Так и должно было быть, – мягко ответила я. – Не стоит переживать. Все в прошлом. Вы хотели выжить — и выжили.

– Но откуда вы про это знали? Что будет так?

– Никогда не слышали про обмен энергией во время секса? Не интересовались даосским практиками?

– К своему стыду, нет. То есть тогда – нет... Вы подсказали. До остального сам дошел. Интуитивно. Сидел в кабинете и думал о том, что будет дальше. Меня возбудила неизвестность. Странное

чувство – еще ничего не решено, ничего не известно, но ты знаешь, что все теперь будет хорошо. Вошла секретарша. Я приказал закрыть дверь и занялся с ней сексом. На столе. Как ее звали? Вика? Аня? Не помню. Секс был бурным, животным. И она очень быстро достигла оргазма. Она всегда хотела меня. Мы кончили вместе. Я заглушил ее крик поцелуем и почувствовал *это*.

– Что именно?

– На сотую долю секунды она стала мной, а я – ею. Это было... – в его зрачках мерцали снежинки, – это было великолепно!

– А что случилось с вашей... партнершей?

– На следующий день заболела. Взяла больничный. На неделю. Потом мы снова заперли дверь, и все повторилось. Было лучше, дольше, совершеннее, что ли... И она снова заболела. Уже на две недели. Я сопоставил кое-какие детали и понял.

– И вернулись к жене.

– Я занимался с ней сексом через не могу, через не хочу. Тратил все свои силы, чтобы привести к оргазму, и когда она кончала, прикивал к ней поцелуем. И пил этот крик, принимал ее дрожь, ее пульс, биение сердца. И становилось легче.

– Вы забирали ее энергию – ИНЬ, сильную, живительную. Взамен отдавали свою – ЯН, пусть и мужскую, но болезную и немоцную.

– Неравноценный обмен, да? – ослабился он. – Убийство на энергетическом уровне. Безупречное убийство.

– Можно и так сказать. Вас мучит совесть?

– Нет, не совесть... Не знаю, как сказать. Какой-то осадок. Будто нынешний я – уже и не я. Впервые за долгие годы живу настоящей жизнью. Все мои мечты исполнились. Но все чаще ловлю себя на мысли, что все более похожу на свою покойную жену. В прошлое воскресенье должен был поехать с друзьями кататься на лыжах, но целый день просидел перед телевизором. И это пугает меня. Чувствую бессмысленность существования.

– Такова цена.

– Вы о ней не говорили.

– А вы не спрашивали.

– На похоронах были только я и Олег. Плохо умереть, когда о тебе никто доброго слова не скажет, а через день и не вспомнит.

– Для вас это так важно?

- А для вас?
- Мне безразлично, кто и что обо мне скажет.
- У Олега были красивые похороны.
- Простите за вопрос, но сами подняли тему. Вы Олега видели? В гробу?
- Гроб был закрыт, – Марычев не удивился вопросу. – Я еще тогда подумал, что странно все. И смерть нелепая, не для Олега. Думаете, похоронили не его?
- Не знаю. Уже ничему не удивляюсь. Как к вам попала моя дочь?
- Олег попросил устроить. Я же с детства Лену знаю. Искал секретаря, а она без работы.
- Вот и встретились два одиночества...
- У нее сложный характер. Никому не верит, все воспринимает в штыки.
- Что поделаться, жизнь у девочки – дурная сказка.
- Будем надеяться, конец у сказки счастливый. Каждый получает то, что заслуживает. Олег знал, что вы ко мне придете, – Марычев протянул мне конверт. – Просил передать. Сказал, вы сами все поймете.
- Так он за этим и заходил?
- Наверное. Сказал, пришел попрощаться. Мол, долго не увидимся. Он часто пропадал в последнее время. Вот я и решил, что он в очередной раз решил поехать на Гоа за смыслом жизни. Или в Шамбалу.
- Как много мы не знаем о близких людях!
- Я крутила конверт в руках. Шершавый, из индийской бумаги с вкраплениями листочков и засушенных цветов. Внушал страх.
- Может, вы вспомните, о чем говорили?
- Марычев посмотрел с жалостью:
- О пророчествах. После вашего развода Олег помешался на этой теме. В любой компании муссировал...
- Странно. Со мной он всегда обходил эту тему стороной.
- Он не знал, верить вам или нет. Иногда с пеной у рта уверял, что вы, Кассандра, придумали свой дар. Но назавтра находил подтверждение вашим прогнозам и уверял меня в обратном.
- Алла знала?
- Все знали. Алла. Лена. То есть Ляля ваша. Деловые партнеры. Друзья. Сначала воспринимали как чудачество, потом

как пунктик, с которым нужно мириться. У Олега была специальная тетрадка, куда он выписывал ваши пророчества. Графики чертил, диаграммы рисовал... Самое тяжелое началось, когда Олег узнал, что вы из больницы вышли... – Марычев запнулся.

– И больше не пью.

– Ну да. Олег тогда совсем помешался. Говорил о вас с ненавистью, словно вы виноваты в его женитьбе на Алле.

– Понимаю.

Я лихорадочно прокручивала события последних лет. Странные звонки Олега, перепады в его настроении, ненависть Аллы, неприязнь Ляльки.

Все просто, черт возьми. И – сложно. Одно дело — винить в развалившемся браке спивающуюся жену. И совсем другое — когда сразу же после развода проблема исчезает. Невольный сакраментальный вопрос: кто виноват? И получается, что виноват-то ты – без тебя вон как все хорошо устроилось.

Я вскрыла конверт.

Привет, Каська! Ты читаешь это дурацкое письмо, значит, я умер. Правда, смешно? Надеюсь, ты смеешься, а не плачешь. Можно, я побуду в твоём ампула? Впрочем, какого черта я спрашиваю? Ведь я уже умер. Алла передаст тебе венок пророчеств. И в тот же вечер к тебе придут они. Что? Они уже приходили? Я так и думал. Будут уговаривать спасти мир. Все это ерунда, Каська, чушь. Нет никакого венка пророчеств, нет никакого Апокалипсиса. Ничего нет, раз нет нас с тобой. Какой смысл переживать из-за того, что может не произойти?

Я знаю, что ты согласилась из-за меня. Тебе интересно, как я умер. Неужели не поняла? Всегда предают близкие. Они и мостят дорогу, которая ведет в ад. Я в аду, Кася, и здесь очень жарко. Плюс сорок в тени. Кормят плохо. Скучаю.

P.S. Забыл сказать, я тебя люблю.

Пока читала, Марычев внимательно следил.

– Понимаю, вопрос звучит глупо, но... Вы не знаете электронного адреса Олега?

Он тут же протянул мне бумажку: адрес и пароль.

– Вы знали?

– Не я. Ваш муж.

– Мой бывший муж.

– Ваш муж.

ВОСЬМОЙ

– Да здравствует кризис! – весело сообщила Марга. – От клиентов отбоя нет. К тебе запись на два месяца вперед.

– Кризис-то при чем?

– Когда у человека кризис, он ищет волшебника.

– А кто у нас волшебник?!

– Ты!

– Справедливости ради, я не волшебник, я только учусь.

– Справедливость — машина, которая, стартовав, действует сама по себе. Так говорил Олег.

– Он ведь был у тебя в тот день?

– Догадалась или подсказал кто? — спросила беззлобно, словно сам факт интимных отношений с Олегом для нее уже не играл никакой роли. Махнула узкой рукой, прощаясь с прошлым. – Можешь не отвечать. Какая разница, откуда ты узнала? Приходил он. Чуть не убил. Еле успокоила. Узнал про твой роман с Димой и взбесился. Думал, я вас свела — в пику ему и Ляльке твоей.

Мне показалось, что я умираю. В который раз за последние дни?

– Ты и Диму знаешь, многостаночница?!

Она приняла заслуженный упрек. Пожалуй, впервые искренне смутилась.

– Извини. Так получилось. Только ты не думай, что я с ним специально... Вообще про тебя не знала, когда с ним встречаться стала. Из-за амёбы все вышло. Увидела их как-то в торговом центре и завелась. Мужик, сама знаешь, упакованный, видный. С ней неплохо обходился. Меня зависть и взяла. Решила – уведу. Проследила, выяснила, познакомилась. Особого труда не составило. Да он и кочевряжиться не стал, мгновенно повелся.

– И долго ты с ним... была?

Марга упорно смотрела в сторону. Кого она сейчас ненавидела больше – меня или себя?

– Я у него однажды твою косметичку заметила и все поняла. Задала пару вопросов. Дима даже отрицать не стал. Сказал, что встречается с женщиной, которую любит. Но вынужден жениться

на другой, поскольку тут замешан бизнес. А я так... когда совсем тошно на душе. Что ты на меня так смотришь?

– Как?

– Будто горький шоколад жуешь. Нормально все. Одним мужиком больше, одним меньше. Тем более, мне он не нужен. За тебя обидно. Не знала, как тебе сказать. Зять и теща. Анекдот!

Она присела рядом и обняла, слегка укачивая.

– Марга, а ведь мы инвалиды. Ближний круг делаем дальним. Не любим, когда к нам ходят в гости, и сами в гости не напрашиваемся. Не прощаем мелочей и если уходим, то навсегда. И больше всего ценим одиночество и свободу. Мы уроды, Марга.

– Мы нормальные люди, – она тихонько подула мне в ухо. – Если надо — приходим на помощь, если хотим – любим, если умеем – верим. У нас есть недостатки и достоинства. Мы такие же, как и все, но не похожи на других. Просто нам немного не повезло.

– В чем?

– От нас ждали слишком многого, а мы не сумели оправдать чужих ожиданий. Потому ты и думаешь, что мы уроды. Только уроды не оправдывают чужих ожиданий.

– Ты повзрослела.

– Глупости. Я всегда была взрослой. Просто во мне хотели видеть ребенка.

Она потрогала свой уродливый шрам на шее – синюшно-багровый.

Я спросила по неконтролируемой ассоциации:

– Ты сказала, Олег тебя едва не убил.

– Убил, как же! Кишка тонка! Такие, как Олежек, не убивают. Такие сами жертвами становятся. Вспыхнул и погас – как трава сухая. Сидел и плакал: жизнь прошла, все разрушено, кругом предатели. Телефон твой требовал, только я не дала.

– Жаль. Так мы и расстались, не сказав главного.

– Сердишься?

– Немного.

– И что теперь будет?

– Ничего. Ляля выйдет замуж за Диму, Алла получит бизнес, ты – новых клиентов. Все довольны и счастливы.

– А ты? Тоже будешь довольна и счастлива?

– Я тоже. Довольна и счастлива. Любая привычка формируется за три недели, привычка к счастью – не исключение.

А есть ли у тебя эти три недели?

Я опять была одна. Марга давно упорхнула, коллеги закончили прием час назад. Тихо-то как. Более всего современному человеку не хватает любви и тишины. Но одно исключает другое. И все же тишины не хватает больше — возможности остаться наедине с собой, помолчать и подумать о том, как будешь жить дальше. И будешь ли жить.

Легкое нажатие на кнопку, и компьютер Марги мигнул синим светом. К счастью, никаких паролей. Интернет, mail.ru. Олег не доверял корпоративной почте и предпочитал вести личную переписку на бесплатном ресурсе.

Я ввела пароль.

Бог мой, сколько писем... Прочитанных и нет. Как найти то самое?

Олег позаботился и об этом, создав отдельную папку – Венок пророчеств.

Три письма.

Первое – ссылка на сайт. Тема: «Кассандра».

Второе – отрывок пророчества. Тема: «Ты в игре».

Третье – фраза «Не мешай». Тема: «Иначе умрешь».

Знакомый адрес.

Я выключила компьютер, надела сапоги, пальто.

На улице ждала Инга.

ДЕВЯТЫЙ

– Садитесь, подвезу.

– Я пешком. Тут недалеко. Сразу за мостом.

Она вздохнула, поставила машину на сигнализацию и устремилась за мной. В длинном извилистом дворе наши голоса звучали гротескно и фальшиво.

– Есть новости? Времени мало!

– Не стройте дурочку, Инга, вам не идет.

Меня колотило от боли и ярости.

Она приостановилась, удивившись резкости, но тут же, прибавила шагу. В лицо било мелкой крошкой снега.

– Куда вы?

– Неужели не догадываетесь? К автору пророчества. Хочу задать ему несколько вопросов. Тет-а-тет.

Мы почти бежали по Невскому, огибая людей. Я — впереди.

Мой красный шарф хлестал ее по лицу.

– Кассандра, подождите! Сейчас это неважно!

У Александро-Невской Лавры ей удалось схватить меня за руку и с силой повернуть к себе.

– Что — неважно?

– Автор «венка», убийство вашего бывшего мужа, ваши или мои эмоции. Все потом. Сейчас нужно остановить пророчество. Час назад случилось еще одно совпадение... почти стопроцентное...

– Плевать на ваши совпадения! Если сейчас, в данную минуту, мир полетит в тартарары, мне плевать. На него и на вас! И знаете, почему? Потому что вам плевать на меня и на моего мужа! Вы хотите предотвратить Апокалипсис? Прекрасно! Сделайте это!

– Но как?! – треснувшая нижняя губа у Инги кровянила. Она слизывала капельки крови, застывавшие на морозе. Нервный вамп, понимаешь! – Только вы можете изменить ход событий. Ход пророчества, заданного одним пророком, может изменить только другой пророк.

Я рассмеялась:

– Нет никаких пророков и предсказателей. Нет, и никогда не было. Все игра ума и воображения. Пи-ар, если угодно. Вы боитесь конца света? Так отмените его!

– Но как?! Как?!!

Каком кверху, черт побери! В мокром асфальте отражались неоновые фонари и тени прохожих.

– Придумайте другой конец света.

– Ч-что?

– Да как с завещанием. Новое завещание автоматически отменяет предыдущее. Только и всего. Люди верят только в то, во что хотят поверить. Придумайте новый Армагеддон – техногенный, совершенный, красивый. Дайте жизнь новой комете Галлея, которая стремительно приближается к Земле. Но оставьте надежду — к тому времени. Когда она приблизится, ученые найдут способ отвести ее... Придумайте пандемию, запустите вирус – свиной, коровий, барсучий, хомячий. Но дайте людям надежду: к тому времени, как он придет в Россию, врачи уже разработают

вакцину... Придумайте новый виток финансового кризиса и новую валюту. Но дайте людям надежду: это не дно, а всего лишь кроличья нора в Стране чудес, куда можно падать бесконечно... Придумайте политический коллапс и новую революцию. Убейте пару-тройку богатых и знаменитых (вы же умеете убивать? о, во имя великой цели, само собой!), но дайте людям надежду: революция уравнивает всех, и наступит новая эра свободы, равенства и братства... Устройте несколько катастроф с сотнями тысяч жертв, но дайте людям надежду: будет проведено расследование, виновные наказаны, а живые получают гуманитарную помощь... Важно, чтобы люди поверили. Вот главное условие для пророчества... В ваших силах сделать хороший пи-ар и убедить всех, что конец света наступит... лет так через пять? Десять? Пятнадцать? Сколько вам надо?

– И все?

– И все.

Она выпустила мою руку и сделала шаг назад. Мы стояли у моста Александра Невского. В Питере много мостов, и с каждым из них связана своя история. Эта – закончилась.

Инга хотела что-то сказать, но... резко повернулась и пошла, держа руки в карманах.

Я не сомневалась, что она сделает все, как надо. Управлять миром просто. Если, конечно, знаешь, как это делать.

Знакомая дверь. Сколько лет здесь не была? Лет восемь? Десять?

Сжимаю в кулаке связку ключей. Дурацкая сентиментальность – хранить ключи.

Или позвонить?

Нет. Мне, скорее всего, не откроют. Я гость – незванный и неожиданный.

Ключ совершил оборот в замочной скважине, дверь бесшумно открылась. В лицодохнул забытый запах — духи, меха, канифоль, кофе и что-то еще, то единственное и неповторимое, что делает запах дома особенным.

В глубине квартиры голоса. Не снимая пальто, я по памяти прошла по коридору, в темноте касаясь книжных стеллажей и вдыхая пыль переплетов и фарфоровых статуэток.

В глаза ударил яркий свет.

– Вот и ты.

Не приветствие, не удивление. Констатация факта.

– Здравствуй, мама.

Маман сидела в своем любимом кресле. Пожалуй, сильно сдала. Профессиональный макияж, безусловно покрашенные и уложенные волосы, казалось, только подчеркивали усталость и подступающую старость. Трикотажный брючный костюм, облегаящий стройную фигуру. На морщинистых пальцах с шишечками артрита – дорогие кольца, подарки поклонников. И только губы кривила знакомая – фирменная – улыбка.

Оказалось, я не единственный гость. За столом степенно пили чай Лялька и Дима. Касаясь локтями, синхронно подносили пузатые золоченые чашки к губам, но выглядели чужими и далекими: супружеская пара, разменявшая второй десяток лет. Я вспомнила, как и мы с Олегом сидели за этим же столом накануне свадьбы, и мать давала нам последние наставления.

Они принесли ей бордовые розы – любимые цветы. Розы у маман всегда стояли долго. Знала волшебное слово.

– Пальто сними, – приказала маман. – Ты не в общепите. Сапоги можешь не переобувать. Домработница потом подотрет. Лена, налей Кассандре чаю.

Все акценты расставлены.

Лялька послушно поднялась, достала еще одну пузатую чашку с блюдцем. Пододвинула ко мне. Они пили сенчу – зеленый японский чай. Китайский чай маман не признавала. Изумрудный напиток издавал тонкий травяной аромат, вкус был горьким.

Лялька вернулась на свое место.

Дима старательно изучал узор на блюдце.

Воцарилась тишина.

Маман довольно улыбнулась.

– Вся семья в сборе. Кассандра, ты знакома с будущим зятем? Прекрасный молодой человек из очень порядочной семьи. Я наводила справки. Они поженятся в январе. На свадьбу не приглашаем. Будет неловко перед Аллой. Да ты сама, наверное, не захочешь: у тебя так много дел.

Мои ремарки ей не требовались, она виртуозно дирижировала

собственным монологом, вовремя пресекая чужие эмоции и лишние фразы.

– Прекрасно, что вы встретились. Что может быть лучше чаепития холодным зимним вечером! Жаль только, ты припозднилась, Лена с Димой уже уходят. У них завтра очень сложный день.

Лялька побледнела. Дима дернулся. Мать, как ни в чем не бывало, продолжала:

– Дима, я надеюсь, ты все понял. Отвезешь Лену по адресу. Будешь ждать столько, сколько нужно. Потом встретишь и привезешь домой. И не забудь мне позвонить. Все! Идите! Провожать не буду.

Дима кивнул. Они синхронно поднялись и вышли из комнаты. Шибуршание в коридоре. Короткий хлопок двери.

– Налей коньяку, – приказала маман. – Себе и мне.

Я подчинилась.

– Куда они собрались?

– В абортарий. Лена беременна.

Я подала ей бокал.

– Сядь! Не мельтеши! — Лицо жесткое и невозмутимое. – В абортарий! У нее будет девочка. В нашей семье первыми всегда рождаются девочки. Благодарение богу, наука не стоит на месте. Теперь пол определяется на ранних сроках беременности. Мы едва успели. Пришлось, конечно, кое-кого попросить, но все во благо.

– Аборт во благо?

Драгоценные перстни обнимали тонкое стекло бокала. Янтарная жидкость масляно покачивалась.

– Этот – во благо. Ты не поняла? Это — девочка. Все повторяется через поколение. Моя мать испоганила себе и мне жизнь. Ты испоганила себе и Лене жизнь. Не хочу, чтобы моя внучка повторила этот путь. Лена – молода, здорова, еще родит нам мальчика. У них будет хорошая семья.

– А что Дима? Согласился?

– Не ему решать. В нашей семье решают женщины. Мужчины подчиняются.

– Как папа? Как Олег?

– Не вмешивайся в ее жизнь, Кассандра, – тихо попросила маман. – Лене и так тяжело. Она не хочет повторения твоей истории. И я ее понимаю. Я тоже не хочу. У меня нет сил начинать

все заново, Лена одна не справится. Нам еще тебя тащить.

Мерно тикали часы. В искусственном камине вполне натурально потрескивали дрова и горел огонь. Идиллия, если бы не одно «но».

– Спрашивай, ты ведь за этим пришла, – сказала она.

– Ты всегда говорила, что вопрос нужно задавать только в том случае, если готов услышать ответ.

– Ты готова услышать ответ. Спрашивай.

– Кто убил Олега?

– Я, – просто ответила она и подлила себе еще коньяку. – Только старый, добрый Remy Marten еще способен согреть мои кости. Старость – когда начинаешь чувствовать погоду за сутки. Ну, что ты смотришь? Ты знала это и раньше, иначе бы не пришла.

Я не верила. Я не верила, что эти старые руки держали нож. Я не верила, что она убила Олега.

Маман внимательно наблюдала за мной. Снисходительно улыbnулась:

– Не будь душой, Кассандра. Для хороших идей всегда найдутся неплохие исполнители. Ты же не будешь спорить, что убийство Олега – это хорошая идея?! Одним ударом решилаcь масса проблем. Все мужчины, которые хотят войти в нашу семью, всегда проходят проверку на мужественность. Традиция, доченька! Твой отец, Олег... Тебе рассказать, как перед свадьбой он играючи исполнил одну мою маленькую просьбу?! Нет? Жаль. Тебе бы понравилась эта история. Теперь очередь Димы. Он неплохой исполнитель и будет отличным мужем для нашей девочки. Он выполнил мою маленькую просьбу.

– Дима так любит Лялю?

Маман с досадой цокнула:

– И как я могла тебя родить? Разве кто-то говорит о любви? Слабый мужчина всегда выбирает сильную женщину. Закон противоположностей. Дима хочет жить в надежном, упорядоченном мирке, где белое – белое, черное – черное, и все ясно, четко и понятно. Неужели ты не поняла, что люди не хотят сложностей? Они ждут простоты. Сложно, когда ты придумываешь себе проблемы. Просто – когда ты решаешь эти проблемы.

– Посредством убийства?

– Частный случай.

– Ляля знает?

– Неправильно формулируешь. Правильный вопрос: хочет ли Ляля об этом знать? Вот ты узнала, и что тебе это дало? Облегчение? Или тебе стало проще меня ненавидеть?

– Венок пророчеств – тоже ты?

– Браво, дочь! Растешь в моих глазах. Венок пророчеств – тоже я.

– Зачем?

– Странно, что ты не поняла. Хотя у тебя никогда не было дочери-неудачницы. Лена – моя копия. Сильная, жесткая. Она знает себе цену и умеет добиваться всего, чего хочет. А ты – нет. Ты – урод. Последнее проклятие своей бабки.

– Я не помню бабушку.

– И не должна помнить. Она померла за полгода до твоего рождения. Погладила мне живот и померла. Я только вздохнула с облегчением. Все вещи сожгла, фотографии уничтожила, чтобы ничего не напоминало. Не учла лишь одного: что ты окажешься ее точной копией. Так странно: смотреть на дочь, а видеть собственную мать. Мы бы стали неплохой находкой для дядюшки Фрейда, не так ли?

Она закашлялась от смеха:

– Ты всегда была неудачницей. В школе, в институте. Когда появился, Олег, твои глупые эксперименты закончились, и у меня появилась надежда, что ты будешь как все. Нормальным человеком! Без отклонений! Но потом возникла Алла, и жизнь превратилась в кошмар.

– Вы никогда не верили в мой дар, ни ты, ни Олег.

Шрамы на сердце лопались один за другим, я плыла в горячем мареве крови и боли.

– Дар? – маман скривилась. – Деточка, о чем ты говоришь?! Какой дар? Твоя жизнь летела под откос, муж изменял, дочь мечтала убежать из дома, а ты теряла человеческий облик... Нет у тебя никакого дара и не было! Ты все придумала! А мы помогли тебе – я, Олег, Алла, Лена. Водили к тебе подставных людей и от их имени платили деньги. Только чтобы ты перестала пить. Когда ты гадала, меньше пила. Перед сном ты читала вслух известные пророчества. Лена знала их наизусть и ненавидела каждое слово. Я услышала однажды и подумала: а что если твою мечту сделать реальностью? Хочешь быть Кассандрой, будь ею! Но только всерьез, профессионально.

– И ты написала веночек пророчеств...

– Это было несложно, – маман отсалютовала коньяком. – Главное – идея, а на нее, как на детскую пирамидку нанизываются колечки. Написала, отредактировала, разместила в Интернете. Сейчас бы сказали, неплохой проект. О, сколько книг я тогда прочитала о предсказаниях, сколько иностранных статей перевела! Во все времена люди предсказывали одно и то же. Войны, болезни, приход Зверя, гибель мира. Человеческая фантазия скудна, потому и реакция вполне предсказуема. В мой веночек пророчеств поверили, ведь я писала искренне. Писала для тебя, расставляя вешки, которые могла понять только ты. И только ты могла разгадать их правильно. Остальные ошибались. Я читала толкования и смеялась: никто, кроме моей Кассандры, не способен сказать точно, когда этот мир умрет и умрет ли вообще.

– Ты втянула в пророчество случайных людей.

– Но как иначе оно стало бы работать? Так забавно... Я придумывала жизнь людей, и мои фантазии стали явью. В них поверили. Иначе и быть не могло. Раз в жизни я сделала для тебя то, что считала нужным. Подготовила почву для твоей карьеры. Ты бы стала Джуной, Вангой. Нет! Лучше их! Подумать только, моя дочь – официальный пророк! Однажды к тебе придут и попросят о помощи. Ведь только ты можешь разгадать то, что я там напридумывала. Придут, придут!

– Уже пришли.

– Вот! Значит, все не зря. Все правильно.

Она тяжело поднялась из кресла и впервые за много лет сама приблизилась ко мне. Погладила по голове:

– Я старалась для тебя. Пусть у тебя не получилось в любви, пусть не получилось в семье, пусть ты не добилась успехов в карьере, зато теперь возьмешь реванш за годы неудач. Деньги, слава, уважение, статус. Вот Марга это поняла, она умная девочка, и твоя работа в салоне – то, что нам надо. Почва готова, остались последние семена...

Она накрутила на палец прядь моих волос. Мелькнул знакомый рубин. Вот оно что... Мать провела рукой по моему лицу, слегка царапнув кольцами.

– Потом ты все поймешь и простишь. Что значит жизнь человека в сравнении с идеей, с возможностями? Ни-че-го. Тем более, такого никчемного человека, как твой бывший муж. Он же

бросил тебя! Оставил одну! Ты выжила, доказала, что без него способна на большее! Пойми, я не могла рисковать нашим будущим. Со дня на день к тебе должны были прийти, предложить невероятные условия. Мы с Маргой готовили рекламную кампанию. Придумали тебе великолепную легенду. И вдруг Олег... Он пригрозил, что все тебе расскажет. Мне ли не знать, какой упрямой ты можешь быть?

– Но он сам дал денег на салон, – в голове гул, перед глазами мельтешение прошлого.

– Деньги дала я, – отрезала она. – Марга соврала. В девяносто пяти процентов случаев она врет, и очень убедительно. Иначе ты бы не согласилась и до сих пор прозябала в своем издательском доме. Олег считал, что мы тобой манипулировали.

– А разве не так?

– Не так! Направляли! К полноценной, успешной жизни. Направляли. Только и всего. Лишь малость, которую мы можем дать тебе. На этих условиях даже Лена хотела тебя простить. Неужели ты бы снова отказалась от собственной дочери? Но Олег нагадил и тут: узнал о беременности Лены. Он хотел, чтобы она родила девочку, похожую на тебя. Уговаривал Диму, дал ему денег, будто можно купить рождение ребенка. К счастью, Дима – мальчик умный и чуткий. Он пришел с проблемой ко мне. Я умею решать проблемы. Эту — тоже решила.

– Вы убили его.

– Да пойми, дурочка, Олег хотел вернуться к тебе! Жить с тобой!

Она с силой оттолкнула меня. Я выронила бокал. Он неуклюже покатился по роскошному светлому ковру, уродуя темными каплями.

– Нельзя войти в одну реку дважды. Он решил жить с тобой, не понимая, что тогда бы все вернулось на круги своя! Он бы снова тебя подмял, сломал, сделал никем... И ты бы снова начала пить, не зная, кто ты и зачем живешь. Теперь, когда все, наконец, стало складываться правильно и гармонично, когда к тебе пришли и сделали предложение, от которого нельзя отказаться...

– Я отказалась.

Внезапная тишина. Мать возвышалась надо мной, прижав руки к морщинистому горлу.

– Повтори.

– Я отказалась.

Мы смотрели друг на друга. По моим щекам текли слезы. Ее губы казались восковыми и желтыми как бутафорское яблоко.

– Раз в жизни тебе был дан шанс. Самые близкие тебе люди пошли на колоссальные жертвы, чтобы только ты могла им воспользоваться. А ты его разменяла, едва получив. Уходи! Знать тебя не хочу.

И я ушла.

Глаза встретили небо, набухшее декабрьским снегом и дождем.

Я прошла сквозь дворы, присела на мокрую скамейку. Некуда идти. Кто я, и зачем?

Год торопливо заканчивался. Там и сям вспыхивали фейерверки. Мимо шли люди.

Где-то, совсем рядом, на такой же скамейке сидела Инга, ожидая, когда я приму верное решение. Она все еще надеялась.

Где-то, совсем рядом, моя мать звонила Марге, и Марга уговаривала не торопиться: есть шанс все исправить. «Вы же знаете, на нее нельзя давить. Утро вечера мудренее. Погуляет, подумает, выспится. Завтра поговорим. Так просто они ее не оставят. А вам нельзя волноваться – у вас сердце». И мать покорно соглашается: «Ты права, деточка, у меня сердце».

Где-то, совсем рядом, на кухне итальянского дизайнера, сидел Дима. На столе бутылка виски. Полная. Так и останется полной до утра. В соседней комнате, сложив руки на животе, лежала Лялька. Вместе с моей внучкой они отсчитывали последние часы ее жизни.

Где-то, совсем рядом, стремительно старел Марычев, щелкая пультом телевизора.

Где-то, совсем рядом, Алла консультировалась с юристами, поглаживая обручальное кольцо на левой руке.

Где-то, совсем рядом, обнималась влюбленная пара. И, прервав поцелуй, оба смотрели на небо, где звезды сложились в причудливую фигуру.

– Смотри, Олег, лисица!

– Не лисица, Каська. Лис! В натуральную, так сказать, величину!

– А есть такое созвездие? Вот не знала!

– Ты многого не знаешь. Но на то у тебя есть я. Созвездие Ку-ли. Один из символов долголетия. В пятьдесят лет Лис может превратиться в женщину. В сто — в юную девушку. Лис знает, что происходит на расстоянии в тысячу ли и может повлиять на разум человека, превратив его в идиота. Когда Лису исполняется тысяча лет, он становится Небесным Лисом, тьен-ху, имеющим девять хвостов. Небесный Лис принимает облик и женщины, и мужчины.

– А дальше?

– Дальше придумает сама. А теперь давай целоваться.